

ПЛАТОН ЧКАДУА

**Երրորդ
Տրիպոլիս,
ԳՐԸ
ՏՐԻՊՈԼԻՍ**

Контрольный экземпляр

ПЛАТОН ЧКАДУА

ГОРНАЯ АБХАЗИЯ, ГОД СОРОК ВТОРОЙ

Документальная повесть

Перевод с абхазского
Льва Гольдинова

Издательство «Алашара»
Сухуми—1983

94(429.224)
საბავშვო ბიბლიოთეკა

633(2)722.11+63.3(2Г-6А6)

Ч 73

Рецензент кандидат филологических наук
А. Я. БЕСЕЛИЯ

Настоящая повесть в основном посвящена событиям на одном из важных и своеобразных участков борьбы советского народа против немецко-фашистских захватчиков в горах Западного Кавказа и строго документальна. Она написана абхазским писателем П. С. Чкадуа на основе его воспоминаний и записей о личных наблюдениях и встречах, относящихся к начальному этапу Великой Отечественной войны, к периоду с августа по ноябрь 1942 г., когда автор находился в верховьях Кодора в качестве уполномоченного Абхазского областного комитета Коммунистической партии Грузии по работе с местным населением, мобилизации его усилий в помощь героическим защитникам перевалов через Главный Кавказский хребет.

საბავშვო ბიბლიოთეკა
საქართველოს
რესპუბლიკის
წიგნების ეროვნული
ცენტრის ბიბლიოთეკა

3703060100
Ч М623(06).83 069-83

15.004
3

© Издательство
. Алашара . 1983

Сухуми. Вечер 20 января 1979 года. В комнатном полумраке трепещет светлый прямоугольник телеэкрана. За окнами — словно фосфоресцирующий в неоновом зареве светильников вечнозеленый наряд молодого парка у площади имени Ленина. Чуть стрекочущая тишина... Внезапно ее резко обрывает проникающий в душу торжественно-напряженный, с характерным металлическим тембром, голос диктора:

«От Советского Информбюро...»

Что это? Тревога снова повисла над миром... Неужели повторение прошлого?.. Или напоминание о нем?

Мелькают кадры. Горы, долины, леса, повисшие над пропастями головокружительные тропы. Каждый обрыв, скала, поляна будто до боли знакомы. Вот, кажется, здесь, из последних сил преодолевая буруны неистовой реки, мне едва удалось выбраться с лошадью на берег. Там, поминутно соскальзывая вниз, упрямо карабкался по немыслимой крутизне. Все было. Все — ради Победы. Тысячи и тысячи людей, чьи плечи были отягощены нелегкой поклажей, опаленные зноем, исколотые и обожженные ранними высокогорными заморозками, а затем и морозами, шли вперед навстречу опасности с решимостью ни за что не пропустить врага к Черному морю, сдержать, отогнать, сбросить фашистов со снежных высот Кавказа.

Сменяются кадры... Всепоглощающей волной нахлынули воспоминания, и я решил про себя перенести их на бумагу, хотя тотчас же осознал, что такое намерение вызревало давно, исподволь. Еще в изданной в 1971 году на абхазском языке книге «Следы времени» я коснулся событий того грозного периода, но, как мне представляется теперь, недостаточно полно. Подготавливая настоящее издание, в целях более ясного, правдивого освещения и, по возможности, широкого охвата отдельных запомнившихся фактов внес в него некоторые изменения и дополнения. В этом мне очень помогли сохранив-

шиеся, хотя и неполностью, дневниковые записи тех месяцев. В моей повести нет вымысла. И если мне удалось в какой-то степени восстановить действительность знаменательной поры сорок второго года, нескольких месяцев, ставших как бы кульминацией проявленного нашими людьми героизма и стойкости, когда враг был вынужден начать отступление из пределов советской земли, если удастся заслужить доброе слово читателя, — я буду счастлив.

1. ПРАВИТЕЛЬСТВЕННОЕ СООБЩЕНИЕ* В ЧАС ДНЯ 22 ИЮНЯ В ОБКОМЕ ПАРТИИ* ПЕРЕСТРАИВАЕМСЯ НА ВОЕННЫЙ ЛАД

...Мне тридцать шесть. Вроде бы совсем недавно крестьянским парнем покинул родное село Бедия, что в Очамчирском районе. Выучившись, стал сельским учителем, писал стихи и рассказы, начал печататься. В 1935 году одним из первых литераторов-абхазцев был принят в Союз писателей СССР, и как бесценную реликвию, берегу членский билет за номером 350, подписанный Максимом Горьким. С молодых лет пришлось побывать в самой разной, как говорят, номенклатуре — на советской, редакционно-издательской, даже административной работе.

То ли кадровики усмотрели у меня какие-то организаторские способности, то ли просто по наитию, но так или иначе случилось, что неожиданно для себя я был назначен наркомом местной промышленности нашей автономной республики. Пришлось немало потрудиться, постигая премудрости этой новой, весьма интересной, но хлопотливой должности, в которой я и встретил далекое теперь лето сорок первого года.

Да, пожалуй, как никакой другой день, кроме Дня Победы, бережет память воскресенье 22 июня того года со всеми его, даже мельчайшими, подробностями. Читая многочисленные мемуары, почти всегда наталкиваюсь на упоминание о том, что этот день совсем не по праву был безоблачным, ярким. Таким был он и у нас, в солнечной Абхазии.

Этот свой выходной (война, естественно, заставила всех советских людей забыть о днях отдыха) я на-

чал с прогулки к морю. По пути встретил наркомов финансов и земледелия Темура Бганба и Иллариона Бжания. После взаимных приветствий безмятежно направились на приморский бульвар. Море было ласковым, лучи солнца весело искрились на глади Сухумской бухты. Прогуливаясь, повстречались с общим приятным знакомцем — сотрудником исполкома горсовета Володей Кукулава и решили навеститься вчетвером в недавно открытую в гостинице «Абхазия» бильярдную.

Поднялись на верхний этаж, выбрали кии, составили пирамидку. Защелкали сталкивающиеся шары. Все в те минуты представлялось устойчивым и надежным, не дающим повода к беспокойству. Вдруг до нас снизу донесся пронзительный женский крик. Вскоре в бильярдную вбежала пожилая сотрудница гостиницы и, плача, воскликнула:

— Война!.. По радио передали: Гитлер напал на нас. Ужас, ужас!.. — И, продолжая кричать, выбежала за дверь.

Мы тотчас забыли об игре и опрометью спустились в вестибюль, где застали конец передачи правительственного сообщения.

Нервы были на пределе. Мысли теснились, путались. Война!.. Мы, конечно, предчувствовали, знали: рано или поздно войны с фашизмом не избежать. Но такого вероломства не ждали.

Хотелось сразу действовать, что-то предпринять. Второпях забежал домой, где узнал, что звонили из обкома партии, просили немедленно прийти.

В час дня в областном комитете собрался руководящий актив автономной республики и ее столицы. Люди коротко переговаривались, неотрывно следили за динамиком, передававшим марши.

Первый секретарь обкома Михаил Иванович Барамия, казалось, был как всегда спокоен и нетороплив. Он, по привычке, чуть тронул настольный колокольчик и попросил приглушить радио. Барамия зачитал правительственное сообщение о вероломном нападении гитлеровской Германии и о воинской мобилизации, а затем, обведя глазами присутствующих, встал и, словно испытывая нас, сказал:

— Теперь, когда наша страна оказалась перед серьезнейшим испытанием, каждый советский человек, тем более, руководитель, должен показать, на что он спо-

собен. Первым делом предстоит четко и организованно обеспечить мобилизацию, быстро произвести расчет с призывниками, отпустить их в армию без малейшей задержки.

Только за первые сутки военного времени из одной лишь системы местной промышленности Абхазии ушли в армию до двух тысяч человек, в подавляющем большинстве опытных рабочих и специалистов. Но все предприятия продолжали работать на полную мощность. У рабочих мест призванных в армию становились новички — женщины, подростки, а также оставившие производство ветераны. Под руководством немногих оставшихся по состоянию здоровья мастеров они быстро овладевали производственными навыками. Тогда такую форму обучения называли шефством, теперь она широко известна как наставничество. «Все для фронта, все для разгрома врага!» — под этим лозунгом вместе со всем советским народом доблестно трудились и население Абхазской автономной республики, перестраивая народное хозяйство на военный лад.

В цехах наших заводов и фабрик все больше выпускалось продукции, нужной фронтовикам. В действующую армию нарастающим потоком шли из Абхазии теплогрейки, обувь, шерстяные носки и перчатки, консервные и табачные изделия, ложки из самшита и многое другое. Для местных оборонных нужд возрастал выпуск кирпича, извести, лесоматериалов, гвоздей. Из ворот кузнечных мастерских выезжали новые пароконные подводы и фургоны. Появились и вовсе необычные виды продукции.

Однажды пригласили меня в областной комитет партии и спросили:

— Сколько самолетов сумеете выпускать в день?

Я вначале опешил, но потом догадался, о каких «самолетах» идет речь.

В тот же день в наркомат прибыл инженер с чертежами «самолета», и Кодорский лесокombинат стал по ним мастерить из досок и фанеры крылья, фюзеляжи, пропеллеры и хвостовые оперения. Собирались они потом уже в прифронтовых и других районах для установки на ложных аэродромах. Такие макеты не раз помогали нашим воинам вводить врага в заблуждение.

Но вот к нам поступило задание на выпуск деталей к настоящему вооружению. Тбилисскому авиазаводу

понадобились для создания боевых самолетов прямо-слойные сосновые планки — тогдашний технический уровень допускал в самолетостроении использование некоторых частей из дерева. От наших умельцев потребовалась ювелирная точность в обработке таких планок — чтобы не было, буквально, ни сучка, ни задоринки. Специальный контролер осматривал каждую изготовленную планку чуть ли не через микроскоп, тщательно сверял заданные размеры.

Хотя брака и отходов было поначалу многовато, кодорцы хорошо справились с заданием и заслужили благодарность.

II. КАК Я «ДОБЫВАЛ» УГОЛЬ* В ГОСТЯХ У КЕСКИНДЖА АРШБА* ТКВАРЧЕЛЬСКИЕ КОЛХОЗНИКИ КРЕПЯТ ФОНД ОБОРОНЫ

Трудной проблемой стало для нас обеспечение предприятий топливом. Заводы, изготовлявшие строительные материалы, остались почти без угля.

Выезжаю в Тбилиси, где обращаюсь в наркомат местной промышленности, в плановые органы. Напрасно. Везде сочувствуют, отвечают: верно, по наряду вам положено, но в наличии нет, сами понимаете, местного угля даже на первоочередные нужды не хватает, извернитесь как-нибудь, постарайтесь найти выход из положения сами...

Вот такие дела... Вернулся в Сухуми ни с чем. А здесь сразу звонок от председателя нашего Совнаркома К. Г. Чичинадзе:

— Не вышло? Да, трудно, все ясно... Кажется, товарищ Платон, ты хорошо знаешь начальника Углесбыта Грузии Спиридона Шария?

— Знаю, товарищ Котэ, — ответил я. — Ведь он работал у нас, в Абхазии. Как же, встречались...

— Если так, — действуй. Он сейчас в Ткварчели. Сегодня же поезжай туда и выпроси хотя бы немного угля для наших заводов.

В Квезани я застал С. Шария у местного уполномоченного Углесбыта Варлама Аргуна. Это был человек внушительного вида. В самом начале нашей беседы он показался мне совершенно неприступным.

Я не мешкая показал ему свои наряды. «Наряд сей-час — только простая бумажка», — невозмутимо сказал Шария, однако вытащил из портфеля объемистую раз-нарядку, в самом конце которой значился и наш нар-комат.

Все же, с помощью Варлама Аргуна, удалось его уговорить: нам было отпущено шесть вагонов угля. В тот же день со станции Квезани они были направ-лены по адресам предприятий.

Так порой приходилось изворачиваться, и, как я уже успел навидаться, не только мне... В ход случалось пус-кать старые приятельские связи, прибегать прямо-таки к дипломатическим уловкам.

В те суровые дни тнварчельским и ткибульским уг-лем жило все народное хозяйство Закавказья, да и не только этого края. Нашим углем заправлялись воен-ные корабли Черноморского флота. Он сжигался в топ-ках локомотивов на железнодорожных магистралях, связывающих Кавказ со всей страной.

... Вопрос об угле был решен, а между тем на Тквар-чели надвинулись сумерки. За день я порядком прого-лодался, да и гостя угостить надо. Время военное, без карточек в городе на ужин рассчитывать трудно.

В таком невеселом размышлении выхожу из конто-ры на улицу. Варлам, как хозяин, что-то соображает, предлагает зайти в столовую. Не успели мы подойти к машине, как кто-то меня окликает. Присмотрелся: да ведь это Кескиндж Аршба, житель одноименного с городом ближнего села. Как-то раз мне довелось по-мочь ему в решении не такой уж сложной, но важной для него просьбы. Работая в лесоохране, он с соседом надумал посеять на небольшой лесной полянке вблизи горы Лашкендар кукурузу — многие здешние колхоз-ники испытывали нехватку удобных для обработки зе-мель. Надумать то надумал, а спросить разрешения у райлесхоза не сообразил. Обработал с соседом посев, выросла кукуруза на славу, а в лесхозе об этом узна-ли. Там, конечно, разгневались по поводу самоуправ-ства и запретили крестьянам снимать урожай. Тогда-то Кескиндж и его сосед по чьему-то совету обратились за помощью ко мне, хотя я и не имел прямого отноше-ния к лесному хозяйству. Мысленно взвесив все обстоя-тельства, все же решил за них походатайствовать — как-никак оба труженики, с большими семьями, в воз-

расте, к тому же малограмотные... В общем, урожай им разрешили собрать, но строго предупредили, чтобы впредь не самовольничали...

Такие обстоятельства однажды сблизили меня с Кескинджем Аршба. И вот он перед нами и, как истый абхазец, приглашает нежданных, но дорогих гостей зайти к себе поужинать и отдохнуть.

Мы не стали чиниться, поблагодарили Кескинджа и, пригласив его в машину, поехали к нему. Дом Аршба оказался совсем недалеко, чуть повыше Ткварчельской ГРЭС. Нас приветливо встретили его домашние.

Становилось темно. Хозяйка внесла керосиновую лампу, извинившись за то, что не успели провести в дом электричество — началась война, а теперь не до этого, и опять ушла на кухню.

В дверях показался старик, в котором я тотчас признал своего давнего знакомого, близкого друга и ровесника моего отца Аслана Аршба. Села Бедия и Ткварчели рядом, в детстве мне часто приходилось бывать в доме Аслана. Мы сердечно поздоровались. Зашел после предтрапезных хлопот Кескиндж. Завязался общий разговор, конечно, прежде всего о самом главном — войне.

Старый Аслан сказал Кескинджу:

— Услышал о приезде гостей и решил зайти. Я сейчас был в сельсовете, оставил кассиру деньги.

— Какие деньги? — поинтересовался Кескиндж.

— Ты что, не знаешь? Все вносят на строительство самолетов и танков для Красной Армии.

— А! Это я еще вчера внес.

— Сколько?

— Тысячу рублей.

— А я — две. Видишь, больше тебя внес, — похвалился Аслан. Потом подумал и добавил:

— Честно сказать, я тоже сначала хотел внести тысячу, но там вышло такое... — Он назвал имя одного жителя села. — Этот человек, видишь, подошел к столу передо мной, людей там было много, и он сказал так громко, что все услышали: «Я инвалид, без одной ноги, но для Родины последнюю рубашку отдам», — и положил на стол тысячу рублей. Подошла моя очередь. Я, как-никак, в летах, но, по сравнению с этим человеком, все же трудоспособнее. Мне стало просто неудобно, и вместо одной я выложил две тысячи.

Мы стали перечислять имена колхозников, внесших крупные вклады в Фонд обороны Родины.

— Ничего, мы еще докажем, на что способны, — и урожаи поднимем, и деньгами подсобим. Самое главное — все наши люди с душою отозвались, и пусть построенные на наши деньги самолеты и танки помогут быстрее победить врага, — заключил Аслан.

Поздно ночью старый Аслан ушел домой. Нам постелили в зале, все легли спать.

На рассвете мы уже были на ногах, наскоро позавтракали, поблагодарили гостеприимных хозяев и заехали в контору Углесбыта. Здесь застали Варлама Аргуна в самом приподнятом настроении.

— Шахтеры перевыполнили вчерашнее задание, — сияя сообщил он. — Канатка работала непрерывно всю ночь. Так что есть лишок.

— Раз есть уголь сверх плана, может быть, нам добавите, — без всяких надежд, полушутя, заметил я.

— Кое-что, может, и дадим, — значительно произнес вдруг подошедший Шария.

Короче говоря, я в то утро возвратился в Сухуми с гарантийным нарядом еще на десять вагонов. Этого угля нашим заводам хватило до конца года.

III. ДОБЛЕСТЬ ИДУЩИХ ВПЕРЕДИ * ЗА ДВОИХ И ТРОИХ * ОРУЖИЕ ДЛЯ ФРОНТА

В ноябре 1941 года началась героическая оборона Севастополя. С оккупацией Одессы и вторжением немецко-фашистских захватчиков в Крым серьезно ухудшилась военно-политическая обстановка на Черном море. Многие предприятия с северного побережья были эвакуированы на восток. А в Сухуми и Очамчиру оттуда перебазировались сравнительно небольшие судоремонтные мастерские, обслуживавшие нужды военных моряков, а заодно местного рыболовецкого флота. Прибывших с ними людей сразу обеспечили жильем, взяли на продовольственный учет. Оборудование мастерских быстро разгрузили, установили и задействовали. Прибывали к нам и иные грузы.

К лету 1942 года, когда гитлеровцам ценой крупных потерь удалось ворваться в героически оборонявшийся

Севастополь, под угрозой оказались прилегающие к Керченскому полуострову берега Северного Кавказа. Среди принятых первоочередных мер, связанных с создавшейся ситуацией, была эвакуация из этой зоны различного ценного имущества. Пароходом в Сухуми из расположенного в районе Новороссийска знаменитого виноградарского совхоза «Абрау-Дюрсо» в огромных бочках были вывезены многолетние коллекционные вина разных сортов.

Случилось так, что о прибытии крупной партии северокавказских вин мы узнали только в день прихода судна в порт. Обком партии обязал меня и директора Абвинпрома, входившего тогда в систему местной промышленности, в самом срочном порядке принять этот груз.

Свободными и подходящими складскими помещениями для хранения такого количества ценных напитков мы не располагали. Но на раздумья не оставалось времени. Так как в порту почти не нашлось грузчиков — в большинстве они были призваны в армию, на разгрузку парохода пришлось мобилизовать десятки работников предприятий. Грузу сопутствовал, впоследствии перепечатанный у нас в наркомате, следующий безадресный письменный наказ виноградарей «Абрау-Дюрсо»:

«Примите вина в бочках. Категорически запрещаем расходовать их без нашего согласия. Эти многолетние вина имеют особое научное значение. Их надо хранить в подвале, в крайнем случае, в закрытом помещении. На солнечном месте не ставить».

С помощью горисполкома мы постарались в течение трех дней разыскать в городе несколько надежных мест для хранения коллекционных вин. По окончании войны все опечатанные бочки в полной целостности были отправлены обратно, в подвалы совхоза «Абрау-Дюрсо».

В июле 1942 года шли упорные оборонительные бои частей Красной Армии на Армавирском, а затем и Туапсинском направлении. Фронт все более продвигался к нам. С начала войны более пятидесяти тысяч граждан автономной республики вступили в ряды защитников Родины. На заводах и фабриках местной промышленности, не говоря уже о шахтерах и энергетиках индустриального Ткварчели, люди работали за двоих и троих. Вчерашние новички за короткие сроки набира-

лись опыта. Многие стремились проявить сметку в поисках и применении местного сырья для увеличения выпуска нужной народу и его вооруженным силам продукции. Это приносило хорошие результаты. На многих предприятиях была горячо поддержана инициатива комсомольцев передовых производственных коллективов страны по созданию фронтовых молодежных бригад. У нас тон в социалистическом соревновании за всемерную помощь фронту часто задавали подростки, особенно девушки.

Не могу не назвать некоторых лучших людей, подававших подлинный пример высокой трудовой доблести.

Добрыми делами прославился коллектив Сухумского кожевенно-обувного комбината. Почти вся продукция этого предприятия направлялась на фронт. Здесь были известны имена застрельщиц соревнования комсомолок. Елены Ляховой и Нины Мачарадзе, многих других новичков, достойно заменивших ушедших в армию рабочих. Молодежи старались не уступать Иван Куцевалов, Домна Томашина и другие ветераны. Многие из производственников вкладывали в работу творческую смекалку, повышая производительность труда. Вот один из запомнившихся примеров. Молодой рабочий комбината Павел Сарапов придумал станок, рассчитанный на ускорение одной из операций по изготовлению обуви, но не успел завершить создание своего детища до ухода в армию. Оставшиеся на производстве его друзья претворили идею Сарапова в жизнь и сообщили об этом Павлу в действующую армию. В ответ он прислал коллективу родного предприятия письмо, в котором горячо поблагодарил товарищей по работе и рассказал о своих ратных делах.

Примеры трудового энтузиазма подавали работники лесокombината и сплавщики леса, среди которых особенно отличились Яков Камкия, Николай Сичинава, Акибей Джинджолия, Мария Федорова, Дзуку Карчава, Гуду Кварацхелия, Катмас Дочия... В большинстве своем это были люди преклонного возраста, но в то время было не до заслуженного отдыха, всеми владело одно страстное стремление — внести свою, пусть скромную, но нужную лепту в грядущую победу.

Так поступали старый сухумский столяр С. Берая, мастер-кондитер Н. Цинцабадзе, стахановка кирпичного завода Е. Пинчукова, хлебопек-дрожжевар Х. Яно-

лиды, сотни других участников социалистического соревнования, развернувшегося в суровую годину войны.

Вместе с основной продукцией коллективы отдельных цехов без наличия специального оборудования, кустарно, но добротнo стали изготовлять такие, например, изделия, как мины, гранаты и бутылки с горючей смесью, что отвечало требованиям обстановки.

Боевые действия тогда велись близко — по прямой от линии фронта до Сухуми были считанные десятки километров. Но в городах и селах Абхазии было почти по-довоенному спокойно. Немалое число моих земляков даже прониклось уверенностью в том, что война их вообще не коснется. Скорее всего такая иллюзия находила почву в обманчивом представлении о непреодолимости перевалов через Главный Кавказский хребет. Правда, по многим признакам, военно-патриотическая работа в автономной республике заметно оживилась. Были созданы первые бомбоубежища. Комсомол при участии воинов местного гарнизона и пограничников все чаще проводил ночные военизированные походы молодежи и другие оборонные мероприятия. Городское население обучалось приемам борьбы при помощи щипцов, совков и песка с зажигательными бомбами. Началось комплектование истребительных батальонов из числа рабочих, колхозников и служащих. Но все же, как показали последующие события, с беспечностью было покончено не везде и не во всем.

IV. ТЕНИ НАД ГОРОДОМ * ОБСТАНОВКА ОБОСТРЕЯЕТСЯ * ПОРУЧЕНИЕ ОБКОМА ПАРТИИ

Первая вражеская бомба была сброшена на Сухуми 15 августа 1942 года в четыре часа дня по местному времени. Она оказалась отнюдь не маленькой «зажигалкой», а тяжелым, полутонным фугасом.

В это время я работал у себя в кабинете, в первом корпусе Дома правительства Абхазской АССР. Одно из окон было приотворено, и до меня донесся приближающийся гул самолета. Немного погодя после внезапно возникшего и нараставшего исступленного воя раздался сильный грохот. От ударной волны здание дрогнуло, посыпались оконные стекла. Один из осколков, усеяв-

ших стол, врезался мне в руку. По столбу пыли бомба, взметнувшись совсем недалеко, я понял, что бомба была крупная и упала где-то рядом. Едва успел перевязать рану носовым платком, как послышался чуть более отдаленный взрыв второй бомбы, затем — третий, четвертый.

Все произошло так неожиданно, что о первом «визите» фашистского стервятника население не было оповещено. Я приготовился было выйти из здания, но последовал телефонный звонок — звонили из Совнаркома, предложили осмотреть подвергшиеся бомбежке места. Я спустился вниз и на площади стал ожидать товарищей из Совнаркома. Опять донесся смутный гул, и высоко в небе стал виден второй самолет. Сделав несколько кругов над городом и бухтой, он повернул на восток, сбросил бомбы где-то, как показалось, в районе Синопа, подался в сторону гор и вскоре скрылся из виду.

Вскоре подошли товарищи, и мы поспешили к месту первого взрыва. Там уже собрались люди, хлопотали пожарники и медики. От разрыва бомбы, образовавшего глубокую воронку, погибли несколько человек. Глухо стонал полужасыпанный землей мужчина, которого осторожно отрыли и тотчас увезли в городскую больницу.

Человеческие жертвы и разрушения были причинены бомбежкой и в некоторых других местах города. Горком партии и горисполком сразу же занялись ликвидацией последствий взрывов.

Первый налет гитлеровских бомбардировщиков вызвал у части городского населения растерянность. Но очень скоро она сменилась энергичным участием горожан в защите от воздушных нападений. Повсюду рыли траншеи и другие укрытия. Были приняты экстренные меры по усилению зенитной охраны города, упорядочению деятельности службы воздушного наблюдения, оповещения и связи.

Во второй половине следующего дня самолеты прилетали снова, но были отогнаны огнем зенитных орудий. Замечу, что впоследствии, в отдельные дни августа и сентября, несмотря на противодействие зенитчиков, бомбежки Сухуми участились, возросли потери, особенно в акватории порта.

Вечером того же 15 августа в бомбоубежище, по срочному вызову обкома, собрался партийный, советский и хозяйственный актив совместно с работниками Военного комиссариата. Речь шла об усилении организованности и дисциплины, о необходимости решительно повысить бдительность, пресекать какие-либо панические настроения и слухи. Руководителей организаций и предприятий строго предупредили, чтобы все рабочие и служащие находились на своих местах, и никаких срывов в работе не было. Приняли и другие, обусловленные остротой обстановки, меры.

После совещания М. И. Барамия предложил мне поехать с ним в обком. По дороге мы не произнесли ни слова. Молча поднялись в его кабинет. Предложив мне присесть, он склонил голову над столом и вновь глубоко задумался. Потом, как бы размышляя вслух, тихо сказал:

— Насколько нам известно, ты хорошо знаешь пути к Марухскому и Клухорскому перевалам. В этих местах уже идут бои. От нас требуется всеми силами помочь защитникам перевалов...

Я подтвердил, что знаю дороги в горах и многих людей знаю на высокогорье.

— Вот потому-то мы решили послать тебя в горы как представителя областного комитета. Я не настаиваю на твоём немедленном согласии с нашим предложением. Подумай, если к нему лежит душа и если ты чувствуешь, что справишься, то завтра же с утра отправляйся в путь... За тобой заедет Мирцхулава (А. И. Мирцхулава работал тогда вторым секретарем обкома партии), доберетесь до Цебельды. Там вас будет ожидать милицейская бригада с лошадьми наготове, она уже в пути. Главная твоя задача — работа с местным населением, мобилизация всех его возможностей и ресурсов в помощь сражающимся воинам.

Я тут же заверил, что сделаю все, чтобы выполнить поручение партии, и поблагодарил за доверие. Я действительно неплохо знал верховья Кодора. Не раз приходилось проезжать и проходить по отдаленным глухим ущельям и лесным дачам в связи с лесозаготовками, подниматься на вершины хребтов по крутым склонам, густо поросшим красавицей пихтой. До войны в этих краях заготавливалось до сорока тысяч кубометров дре-

весины, сплавлявшейся по Кодору к самому лесному бинату.

Часто бывал я в Чхалте, Ажаре, других высокогорных селениях, знал уклад жизни жителей гор, в большинстве сванов, был знаком со многими из них, нередко пользовался их гостеприимством. Предки этих приветливых и щедрых, но вместе с тем суровых людей, как бы перенявших эти черты от окружающей природы, издавна облюбовали величественный и гордый край. Недаром область верхнего течения Кодора и его притоков иной раз называют Абхазской Сванетией.

Кроме родного — абхазского — и русского, я с детства вполне прилично знаю грузинский язык. Как и многие в наших местах, свободно изъясняюсь по-мегрельски. В последнее время, благодаря поездкам в горы, стал неплохо понимать и сванов.

Придя из обкома партии домой, первым делом написал письма своему заместителю и семье, которая, как обычно, в летнюю пору находилась в родном селении. Затем затолкал пальто, брюки, сапоги, пару нательного белья, бритвенные принадлежности в мешок, по опыту зная, что при езде верхом его легче будет приторочить сзади к седлу, чем чемодан. Прилег отдохнуть, но сон долго не шел, все размышлял о предстоящей поездке, о поручении обкома. Под утро все же вздремнул, но вскоре был разбужен автомобильным клаксоном. У подъезда уже стояла машина.

V. ДОРОГА В ГОРЫ* У БАГАДСКОЙ СКАЛЫ* ПЕРВЫЕ ВПЕЧАТЛЕНИЯ И ДЕЙСТВИЯ

От Сухуми до Цебельды ровно тридцать километров. Мы с Мирцхулава доехали туда за час. Дальше автомобиль продвинуться не мог, не позволяла дорога. Пересели на оседланных лошадей и вместе с конной милицейской группой во главе с начальником Сухумской раймилиции Михаилом Милорава двинулись в путь. Лошади шли резво. Утро выдалось ясное, свежее. Горы открывали перед нами, казалось, ничем не потревоженные свои чары.

Впереди показалась Багадская скала. Не доезжая до нее, нагоняем воинское подразделение с караваном

тяжело нагруженных лошадей. Их поклажа — разобранные зенитные пушки, ящики со снарядами, минами и патронами. Караван — ни с места. Да и нам пути нет. Выяснилось, у скалы создалась пробка. Тонкой ниткой извивается по ее карнизу узкая тропа, а над ней грозно нависают каменные глыбы. Внизу, на невероятной глубине, вьется еле различимая сверху лента бурного Кодора. С такой высоты в пропасть страшно посмотреть даже бывалому человеку. А ведь надо же провести по тропе, где подчас не разойтись двоим, лошадь с увесистым вьюком. Лошади фыркают, храпят, но все же хотя и очень медленно, шаг за шагом, продвигаются по тропе. Протяженность ее что-то около двухсот метров. Но не погрешу против истины, если скажу, что особенно непривычному к горам человеку легче проехать на том же коне двести километров, чем здесь пройти с ним на поводу.

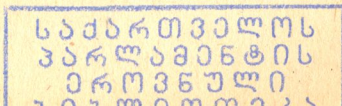
Замечу, что в наше время эта злосчастная тропа навсегда ушла в прошлое. Теперь сквозь толщу Багадской скалы проложен широкий освещенный тоннель. Но тогда, наверно, нелегко было встретить большее испытание для человеческих (и, по-видимому, лошадиных) нервов, чем переход или переезд по кромке этой скалы.

Мы задержались здесь больше трех часов, до тех пор, пока не прошла последняя лошадь со своим грузом. Обнаружилось, что тропа кое-где стала еще уже, ее то тут, то там преграждали небольшие осыпи. Мы слезли с коней, по примеру солдат, осторожно их провели до конца тропы. Дальше ехать стало легче. Вскоре обогнали знакомый караван и углубились в Кодорское ущелье. Здесь нагнали еще одну часть. Шли пехотинцы с полной выкладкой, у многих новенькие автоматы, на плечах пулеметы. Затем увидели связистов, тянувших телефонные линии в горы. Поравнялись с группой военных врачей и медицинских сестер. В одной из них узнал Тамару Эмухвари, медсестру городской больницы.

— Куда путь держите?

— На Гвандру, Клыч, Белую будку — поближе к Клухорскому перевалу, — ответила Тамара.

Мы могли бы намного ускорить езду, но дорога была запружена людьми и лошадьми. В разных местах ее расширяли взрывники, и пока не отгремят взрывы аммонала, никто не был вправе двинуться дальше.

75-004
3

Наконец поздно ночью добрались до Чхалты ^{круп-}ного села, широко раскинувшегося по обоим берегам впадающей неподалеку в Кодор одноименной реки. До войны здесь были построены бараки для лесозаготовителей и контора леспромхоза. Теперь они, да и почти все другие сельские общественные здания, в том числе столовая, магазины, школа, были заняты под постой войсковых частей. Прибывшая с нами группа работников милиции разместилась на милицейском посту. Мы же проехали по старинному каменному мосту на левый берег реки, где проживал мой давний знакомец Дето Субелиани. Он обрадовался, увидев нас, и пригласил переночевать.

На другой день, доехав до расположенного еще выше по течению Кодора села Ажара, мы пригласили в сельсовет местных коммунистов и комсомольцев, беспартийных депутатов и других активистов. Пришли почти все мужчины Ажары и несколько женщин. Вместе с председателем сельисполкома Ираклием Немсадзе и руководителем здешнего колхоза Мосе Апросидзе потолковали по душам с колхозниками об общественном порядке в селенье, о помощи воинам Красной Армии.

Фронт нуждался в проводниках, хорошо знавших горные тропы на подступах к перевалам, в различных средствах гужевого транспорта, в помещениях, которые можно было бы переоборудовать под временные госпитали. Надо было до срока выполнить годовой план заготовок мяса для передачи его частям, оборонявшим перевалы.

Все это нашло самый живой отклик у колхозников-сванов. Не мешкая создали бригаду добровольцев-организаторов помощи Красной Армии. Записалось в нее больше сорока человек, а руководителем избрали коммуниста Галактиона Гулбани. Многие участники этой необычной бригады в дальнейшем стали нашими отличными помощниками во всех делах по содействию защитникам перевалов. Имена всех их я, к великому сожалению, запомнить не смог. Из хорошо памятных мне членов первой такой бригады назову Баталбея Цулукидзе, Александра Цалани, Бадри Гугусиани, Дето Субелиани, Георгия Гулбани, Мате и Арчила Пирвели, Павле и Алекси Аргвлиани, Маркоза Чоплиани, Сандро, Пашу и Амаиза Гурчиани, Давида Ивечиани...

В ажарскую больницу стали поступать раненые. До-

говорились о том, что в случае, если в ней не стане хватать коек, отвести под временный госпиталь помещение сельского клуба.

VI. ТРУДНЫЕ ДНИ НА ПЕРЕВАЛАХ * НАЗНАЧЕНИЕ К. Н. ЛЕСЕЛИДЗЕ * ОТПОР ЗАХВАТЧИКАМ НАРАСТАЕТ * ПАТРИОТИЗМ ГОРЦЕВ

В захватнических замыслах гитлеровского командования наступлению на Кавказе, в том числе овладению горными перевалами через Главный Кавказский хребет, придавалось особое значение. Кавказ им рассматривался не только как богатейшая кладовая нефти и других богатств, но и как путь, ведущий к Ближнему и Среднему Востоку, к вожделенной Индии. И оно загодя сосредоточило для операций на Кавказе крупные силы, которые, особенно на первом этапе наступления, намного превосходили оборонявшие Северный Кавказ части и соединения Красной Армии как в авиации, танках и артиллерии, так и численностью пехоты. Для штурма горных высот края были направлены специальные, имевшие за плечами опыт войны на Балканах, горно-егерские части.

На первых порах возможности врага по ведению военных действий в горах недооценивались. Не говоря уже о северо-восточных склонах Главного Кавказского хребта, недостаточно были укреплены и открывающие дороги в Закавказье горные перевалы. Видимо, сыграли пагубную роль ошибочные представления об их, якобы, недоступности. Части 394-й стрелковой дивизии, перед которыми первоначально ставилась задача обороны перевалов, ведущих в Абхазию, были лишены необходимых резервов, устойчивой связи со многими своими подразделениями, испытывали перебои в снабжении боеприпасами и продовольствием, подчас действовали разрозненно.

Все это позволило гитлеровцам, после того как ценой огромных потерь ими были захвачены предгорья Северного Кавказа, сравнительно быстро и неожиданно для защитников перевалов подобраться к ним вплотную, завязать в выгодных для себя условиях наступа-

тельные бои и на отдельных направлениях просочиться на территорию Абхазии.

Обо всех этих обстоятельствах мы подробно узнали из информации, полученной уже в горах. Также, сразу по прибытии, я и мои товарищи с горечью и тревогой могли убедиться в том, что, хотя в июле-августе меры по защите перевалов были усилены, они не смогли дать желаемого эффекта, так как упущено было слишком много времени. Позднее стало известно о направленной Зафронту специальной директиве ставки Верховного Главнокомандования, в которой сурово, но справедливо расценивались ошибки, допущенные в организации обороны перевалов. В директиве, в частности, говорилось: «Надо крепко запомнить всем, что непроходимым является только тот рубеж, который умело подготовлен и упорно защищается. Все остальные преграды, в том числе и перевалы Кавказского хребта, если их прочно не оборонять, легкопроходимы...».

Одним из важнейших практических шагов по осуществлению положений и выводов, содержащихся в директиве ставки, явилась смена командования 46-й армии, ответственной за оборону центральной части Главного Кавказского хребта и одновременно защищавшей против возможных десантов Черноморское побережье от Лазаревской до Батуми и прикрывавшей западный участок советско-турецкой границы. 28 августа её командующим был назначен генерал К. Н. Леселидзе, который, будучи ранее назначенным командующим третьим корпусом 46-й армии, проделал определенную работу по ликвидации просчетов, допущенных в организации обороны перевалов, благодаря чему 22 августа удалось врага не только остановить, но и серьезно потеснить.

В целом же в районах перевалов обстановка для наших войск, оборонявших западные склоны Главного Кавказского хребта, оставалась крайне напряженной. На Марухе шли ожесточенные бои. Враг там был остановлен и, несмотря на яростные атаки с применением авиации, сколько-нибудь далеко прорваться за перевал не сумел. В районе Клухора двум фашистским горнострелковым полкам удалось занять восточный склон горы Хутия, но потом гитлеровцы были вынуждены залечь под перекрестным огнем советских воинов. Худые вести поступали с северо-запада, с Санчарского пере-

вала, где нашим бойцам пришлось отойти к Бзыбскому хребту.

От первых захваченных пленных стало известно, что гитлеровское командование после занятия нескольких перевалов не ожидало натолкнуться в горах Абхазии на сильное сопротивление и самонадеянно рассчитывало прорваться к Сухуми. Выбросившийся с парашютом, летчик одного из сбитых над побережьем фашистских стервятников при допросе показал, что был поражен, когда заметил рядом со своим самолетом разрывы снарядов наших зениток, решив, что его «по ошибке» обстреляли свои... И это не удивительно — гитлеровцы на все лады уже успели раструбить в газетах и по радио о своем «выходе» к Черноморскому побережью Кавказа как о совершившемся факте.

Разумеется, в районах перевалов силы врага в те августовские, а затем и в сентябрьские дни были еще далеко не на исходе. Фашисты подбрасывали к захваченным позициям все новые подкрепления.

Между тем во всей нашей прифронтовой зоне происходили заметные перемены. Части перегруппировывались. Прибывали новые пополнения разных родов войск. В горных лесах, почти на каждом километре, в ожидании приказа дислоцировались воинские части, находившиеся в состоянии полной боевой готовности. Повсюду тянулись телефонные провода. На лошадях местной породы сновали ординарцы. По всему было видно, что готовность к решительному отпору врагу непрерывно возрастает.

Фронт требовал пополнения не только людьми, но и боевой техникой, снаряжением, продуктами питания, теплым обмундированием — даже летом на таких высотах по ночам холодновато, а с приближением осени становилось все прохладнее и днем, ночью же без теплой одежды и вовсе трудно было обойтись.

Нам было хорошо известно, сколько усилий предпринималось в тылу для улучшения снабжения защитников горных перевалов теплыми вещами. Наравне с оружием, боеприпасами и продовольствием они непрерывно поступали в горы.

Вместе с лошадьми по приперевальным дорогам и тропам, груженные ящиками и тюками, неторопливо трусили «мобилизованные» в окрестных селах маленькие ослики. Медленно взбираясь в гору, пробираясь

сквозь колючие заросли, они проходили всюду, где не могла бы пройти любая машина. Нередко под прицельным огнем противника ослики добирались до передовых позиций наших войск. Поистине незаменимый транспорт в горах! Замечательную сноровку проявляли погонщики этих животных, в основном, местные колхозники, смелые и выносливые люди.

Вражеские самолеты появлялись высоко над горными селами и лесами только в ясную погоду. Вылетать в туман они не рисковали. Обычно за день нам, в Аджаре, доводилось видеть не больше трех-четырех «Фокке-Вульф-189», или «рам», видимо, прилетавших на разведку. Сбросив, чаще всего наугад, по несколько осколочных бомб, они сразу же ретировались, удирая от наших зенитчиков. Насколько мне известно, серьезных потерь от таких налетов не бывало.

Вскоре вместо отдаленного назойливого гудения фашистских «рам» с неба стал доноситься все сильнее звучащий самолетный гул иного тембра. Из Сухуми в горы начали летать наши «У-2». Сбросив на небольшую полянку неподалеку от сельсовета мешки с продуктами и деревянные ящики с патронами, они затем без посадки возвращались обратно. Но если при таком способе доставки с мешками обходилось более или менее благополучно, то ящики при выброске, как правило, разбивались, патроны рассыпались, их приходилось собирать, заново упаковывать и потом уже отправлять вьюками в горы.

Так продолжалось два дня. А на третий командование было вынуждено потребовать прекратить такую доставку боеприпасов — выяснилось, что при ударе о землю многие патроны деформировались, использовать их оказывалось невозможным. Тут еще случилась задача с одним из самолетов. Сбросив очередную партию груза, он, совершая круг, зацепился за верхушку дикой груши и беспомощно повис на ней. К счастью, и летчик, и самолет остались невредимы. Местные крестьяне поспешили с топорами и веревками к коварному дереву, освободили самолет от ветвей и бережно опустили его вниз. Летчик произвел несложный расчет, и наши люди, срубив несколько деревьев, быстро подготовили немудреную взлетную площадку. Через несколько часов самолет взмыл в воздух и ушел курсом на Сухуми.

Пришлось снова налечь на автомобильный и гужевой транспорт. Но, как уже было сказано, дальше Цebelды автомобили пока пройти не могли. Провели дополнительную мобилизацию лошадей, мулов и ослов. Одновременно больше сил из воинского и гражданского контингента было направлено на расширение и укрепление горных дорог. В наиболее опасных местах возводились опорные стены. Над Кодором, Сакеном, Зимой, Хецкуарой, другими реками были переброшены новые мосты.

Дорожники подчас целыми сутками в любую погоду находились без укрытия. Мы обратились к колхозникам с просьбой выделить людей, чтобы заготовить лес для сооружения временного жилья дорожникам. Помнится, бригаду лесозаготовителей возглавил десятник нашего леспромхоза комсомолец Хута Джикия (сейчас Хута Николаевич — ответственный работник республики, депутат Верховного Совета Абхазской АССР). Трудились эти люди изо всех сил, не требуя никакой оплаты, и за короткий срок на различных трассах дорожники получили крышу над головой.

Население горных сел в своей массе воспринимало нужды фронта как свои собственные. Горцы стремились сделать все для того, чтобы чем-либо помочь нашим бойцам. Зачастую такие стремления принимали прямо-таки трогательное выражение.

Однажды к нам зашел старик-сван. Мы разговорились, и выяснилось, что крестьянин принес с собой пару отлично сшитой местной обуви — каламанов-чарухов.

— Нашим солдатам, — сказал он, — будет легче лазать по скалам в таких каламанах. Возьмите, может, пригодится...

Я горячо обнял и поблагодарил старика. Мягкая и в то же время крепкая козловая обувь, особым образом сшитая, в дальнейшем сослужила добрую службу нашим воинам, особенно разведчикам, — она помогала неслышно приближаться к вражеским норам. И женщины, и мужчины в горных селениях шили каламаны из заготавливаемого в округе кожсырья, приносили их в расположенный в Чхалте штаб тыла, всегда связанный с воинскими частями.

Разведчикам была необходима во многих случаях и местная одежда — ведь действовать в ней было куда удобнее. И различной одежды, включая известные сван-

ские шапочки, люди нанесли столько, что нам ^{второй} приходилось тактично советовать подождать — сами, мол, напомним, когда понадобится.

Приносили местные жители сыр, молоко, кукурузные початки, муку, мед... Трудно перечислить все проявления не просто добровольной, а продиктованной самим сердцем помощи сельского населения защитникам перевалов.

VII. ВСТРЕЧА С КОМАНДАРМОМ * КОЛХОЗНИКИ СТРОЯТ ПРИФРОНТОВОЙ АЭРОДРОМ * ИНЖЕНЕРНЫЕ СПОСОБНОСТИ БАТАЛБЕЯ ЦУЛУКИДЗЕ

Пробыв в Ажаре несколько дней, я возвратился в Чхалту. В один из первых сентябрьских дней — помню, погода была тогда хмурая, в горах клубились темные тучи, а дорогу кое-где закрывали клочья облаков, — в Чхалту прибыл в сопровождении нескольких штабных работников и группы охраны генерал К. Н. Леселидзе.

Без всяких отлагательств — видно, обо всем было договорено заранее, — на площадке, в тени густых деревьев собрались офицеры дислоцированных в Чхалте и ее окрестностях частей.

С балкона дома моего давнего знакомого Бондо Кавтарадзе, у которого я тогда остановился, мы рассматривали командиров, окруживших военного высокого ранга. Сперва подумал: конечно, это люди военные, у них свои порядки, я же — человек штатский, гражданский, — может быть, мне там делать нечего, да и к тому же, никто меня не приглашает... В это время подходит Миша Милорава. С его приходом размышления мои сразу приняли иной оборот.

— Знаете что, друзья? — обратился я к ним. — Нам, пожалуй, самим, без приглашения, следует пойти на это совещание. Ведь мы здесь не случайные люди, вместе с армией делаем одно общее дело, секретов от нас у них быть не может.

Воспользовавшись небольшой паузой в ходе совещания, я подошел к генералу, поздоровался, доложил, кто такой и откуда, представил своих товарищей.

К. Н. Леселидзе приветливо пожал нам руки, предложил принять участие в совещании.

— Значит, вы — представители местной власти, — уважительно и как бы раздумчиво сказал он. — Вы можете оказать нам большую помощь, особенно по местным вопросам...

Очень коротко я проинформировал генерала о наших мероприятиях среди населения, об отзывчивости горцев к нуждам фронта. Судя по его репликам, Леселидзе рапорт понравился. Он продолжил совещание и, после обсуждения чисто военных вопросов, стал говорить о средствах транспортировки грузов на фронт.

— Пока не кончатся хлопоты с Военно-Сухумской дорогой, — сказал генерал, — очень надо вот здесь, поблизости, подобрать подходящую поляну, приспособить ее под небольшой, но надежный аэродром для посадки наших самолетов. Именно это решит успех дела.

Мы с Бондо и Мишей переглянулись. Каждый из нас воспринял высказанное Леселидзе пожелание как прямо обращенный к нам приказ. Мы заверили его, что в самое короткое время, вместе с армейцами, такую поляну обязательно отыщем — будет у нас хороший аэродром.

Надвинулся вечер. Совещание окончилось. Командиры расходились по своим частям. Я и мои друзья предложили генералу отужинать с нами. Леселидзе согласился и, что-то сказав одному из своих спутников, вместе с нами стал подниматься по тропинке, ведущей к домику Бондо, где нас ждал ужин.

Туман рассеялся. Сквозь тучи брызнули лучи предзакатного солнца. По лесенке мы взойшли на открытую веранду, с которой, хотя вечер и вступал в свои права, открывалась широкая величественная панорама зеленых гор с дальними заснеженными гребнями. Сюда доносился рокот сливающихся у села двух бурливых рек — Чхалты, которая мчится с высот Марухского перевала, и Кодора, рожденного в вечных снегах и ледниках, окружающих Клухорский перевал. И вновь при взгляде на побратавшиеся здесь родные реки сердце резанула острая боль от сознания, что в их верховьях сейчас хозяйничает враг, посягнувший на нашу прекрасную землю.

Гляжу — вокруг нашего домика заняли посты автоматчики.

— Его охрана, — шепнул Милорава.

На веранду вышли Бондо с женой. Нина поздоровалась с Константином Николаевичем, пригласила к столу.

Многое было сказано за столом. Главное, что запомнилось, — чувство необычайной близости, словно издавна существовавшей между нами. Мы как бы забыли, что рядом с нами генерал, командующий целой армией.

В дверь постучался и вошел связист, внесший телефонный аппарат. Несмотря на темноту, — а маскировка в Чхалте, как и во всей прифронтовой зоне, соблюдалась самым строжайшим образом, — связисты протянули сюда по деревьям, как по столбам, линию от войскового узла связи.

Леселидзе поочередно стал вызывать по номерам штабы различных частей, задавая вопросы и сразу отдавая оперативные распоряжения. Затем переговорил с базировавшимся в Сухуми штабом 46-й армии. Закончив телефонные переговоры, словно невзначай, еще раз напомнил о поляне для приема самолетов.

Заночевал генерал в доме хозяев. Встал на расвете. Наскоро позавтракали. Гость горячо поблагодарил хозяев, сказал, что осмотрит позиции у Марухского перевала и сегодня же возвратится в Сухуми, попрощался с нами. Леселидзе подвели коня, он легко вскочил в седло, тронул поводья, и вскоре небольшая кавалькада скрылась за поворотом.

Мы же, не теряя времени, взяли за поручение командующего армией. Вместе с прикомандированным из местного штаба майором, поехали осматривать окрестности. Сначала прибыли в сельсовет, где, кроме председателя, застали немало колхозников и в их числе Баталбея Цулукидзе. «Вот хорошо, — подумалось мне, — эти люди наверняка нам помогут».

Едва собравшиеся узнали о цели нашего приезда, начался оживленный обмен предложениями и советами. Все, конечно, понимали, что место для аэродрома в этих краях запросто не подобрать: куда ни глянь — везде уступы скал, густой лес да пропасти...

В общем, вначале ничего определенного не прояснилось. И тут сказал свое слово Баталбей:

— Зря языки чешем. Пошли, я покажу, где смогут садиться самолеты.

Он привел нас прямехонько к своей усадьбе, напротив которой, у берега Кодора, оказалась довольно обширная поляна. Правда, это была только поляна с не совсем ровной поверхностью, местами в буграх и ямах, там и сям усыпанная камнями, с проглядывавшими кое-где скалистыми обнажениями. А на самой ее середине возвышались несколько ореховых и грушевых деревьев.

Я говорю спутникам:

— Мы пришли, посмотрели, выбрали. Но этим делу не поможешь, если сейчас же за него не возьмемся. Время не ждет. Все зависит от нас самих. Позовем побольше людей. Уверен: отказа не будет.

Баталбей послал сына, Вану, оповестить соседей. А сам тут же забежал домой и вернулся с несколькими топорами и заступами, пилой, ломом и киркой.

Работа закипела. Подошли еще люди с инструментами. Поляна стала меняться на глазах. Спиленные деревья разделали и оттащили в сторону. Пни вызвались подорвать динамитом оказавшиеся поблизости саперы.

Незаметно пролетел первый день. Наутро людей еще прибавилось. Мы не могли нарадоваться первым плодам своего труда. Но дел оставалось немало.

Баталбей Цулукидзе появлялся то тут, то там, что-то рассчитывал, вбивал колышки, протягивал между ними веревку, наставлял одних, убеждал других, поправлял третьих. Любо было глядеть на такого отменного организатора. Опытнейший скотовод и удачливый охотник на туров, медведей и кабанов, большой знаток лошадей, среди которых его светло-серый Шамиль слыл своего рода здешней достопримечательностью, Баталбей обнаружил сейчас такие качества, каких, признаться, я у него даже не подозревал.

Срезав один из бугорков и заровняв землю, я подошел к нему и восхищенно воскликнул:

— Друг, а ведь я не знал — ты настоящий инженер!

Баталбей отставил кирку, отер пот со лба и, чуть усмехнувшись, с неожиданной горячностью и жесткостью ответил:

— Теперь многих не узнаешь — война... А в общем-то здесь ничего особо мудреного нет. Знаем, что делать и управимся сами, без инженера.

Так оно и вышло. Уже к концу второго дня наш импровизированный аэродром был готов. Армейцы придирчиво, как нам казалось, принимали, его, шагали по краям преобразившейся поляны, и по ее центральной части, и наискосок, по диагоналям. О готовности к приему воздушных гостей сообщили в Сухуми, штабу армии. Оттуда ответили, чтобы уже на следующее утро ждали самолет и не забыли выставить опознавательный знак.

С утра вокруг поляны собралось множество людей — мужчины и женщины, дети, подростки и старики. Немало пришло и военных из дислоцированных поблизости частей. Все хотели видеть, как будет садиться первый самолет. Но вот издалека послышался знакомый нарастающий гул. Смотрим, очень низко, над Кодором, показался самолет. Посредине поляны уже стоял военный с белым флажком. Сделав пару кругов, «У-2» начал снижаться и плавно приземлился.

Все захлопали в ладоши и, не успев остановиться винт, окружили самолет. Маро Субелиани, жена нашего активиста Дэто, подошла к летчику с тарелкой свежих хачапури. Пилот с благодарностью принял угощение, а затем вместе с нами обошел поляну. Он сказал, что все сработано на славу, получился настоящий аэродром, хотя и маленький, но два самолета свободно примет. Вскоре, разгрузившись и забрав с собой тяжелораненого бойца, самолет разбежался и, порядком не дотянув до границы нашего аэродрома, взлетел, взяв курс на Сухуми.

Так была открыта первая в этих труднодоступных краях авиалиния от побережья к заоблачному фронту. Кроме взрывных работ, все было сделано руками самих колхозников-горцев. Самолеты стали летать сюда регулярно, по несколько раз в день, доставляя самые различные грузы и увозя тяжелораненых.

VIII. НОВЫЕ ЗАДАНИЯ КОМАНДАРМА * ПОЛЕТ ЗА МЕДИКАМЕНТАМИ * С ВОЗДУХА НАХОДИМ ПОЛЯНУ ДЛЯ ВТОРОГО АЭРОДРОМА

Минуло пять-шесть дней. Однажды утром вдали над Кодором появились один за другим два самолета. На лошади я быстро проскакал четыре километра, отделявших село от «новорожденного» аэродрома. Привязав лошадь, подхожу и вижу генерала К. Н. Леселидзе, беседующего с группой офицеров.

Поздоровались. Он сразу обратился ко мне:

— Товарищ Платон, вы как раз нам очень нужны и вовремя пришли.

— Чем могу быть полезен?

— Хорошо знаете Сухуми?

— Давно там живу...

— Я имею в виду не город, а людей, ответственных работников.

— Знаю, конечно.

Выяснилось, что экстренно понадобились для оказания на месте первой помощи раненым медикаменты, которых в армии тогда не хватало, — йод, перевязочные материалы, спирт или заменяющая его водка.

— Если сумеете достать, оба этих самолета в вашем распоряжении, летите в Сухуми. У меня здесь дел хватит часа на три. Этого времени будет достаточно?

Я ответил утвердительно, мысленно перебирая возможные подходы к лекарствам и спирту. Один из самолетов был покрупнее, человек на четырех, другой двухместный. Сел рядом с пилотом в меньший из них, и спустя пару минут уже был в воздухе. Вслед за нами взлетела и вторая машина. Летели мы с полчаса, не больше. Приземлились в тогдашнем аэропорту у Гумисты, где теперь дом отдыха, — километрах в восьми от Сухуми.

Автобусы тогда не ходили. Автомашина из штаба почему-то задержалась. Пришлось позвонить в областной комитет партии, объяснить суть дела.

Через полчаса обещали медикаменты в упакованном виде доставить в обком партии. А касательно спирта или водки пришлось обратиться в Абвинпром.

После бомбежки винно-водочный склад эвакуировали в совхоз имени Ильича, в Гульрипш. По телефону с директором совхоза переговорить не удалось. Приш-

лось ехать с запиской от М. И. Барамия, чтобы мне отпустили для нужд 46-й армии сто бутылок спирта или водки, а счет на списание предъявили бы Совнаркому Абхазии.

Мчусь в Гульрипш. Директора так и не нашли, но на месте, к счастью, оказался Коста Чихладзе, заведующий складом, старый работник нашей системы. Прочитав записку, он с недоумением спросил:

— Для чего бумажка? Я вас знаю, и, если нужно фронту, — берите все, что у нас есть.

Отобрав с полсотни бутылок спирта и столько же водки, возвращаюсь в обком, куда уже успели доставить несколько больших ящиков с лекарствами и перевязочными материалами, и — прямо в аэропорт. Грузы уложили в самолет, который побольше, а меньшим вылетел сам. Когда опустились на нашу поляну, первый самолет уже разгрузился.

К. Н. Леселидзе находился здесь же. Он приветливо встретил меня и сказал:

— Вы сделали большое дело. Но есть к вам еще одна просьба. Дело в том, что нам надо найти поближе к Клухорскому перевалу еще одну, желательно, чуть большую поляну. Мне сказали, что места вы знаете вполне прилично. Если не возражаете, садитесь снова на этот же самолет и покажите летчику что-нибудь подходящее.

Мы опять летим. Позади остались довольно крупные селенья Правый и Левый Генцвиш. Повернули налево, к долинам Гвандры и Клыча, а это совсем недалеко от перевала. Зона опасная — там проходят огневые позиции врага. Снизившись чуть правее, у слияния Кодора с Сакеном, замечаю сравнительно большую поляну и показываю на нее летчику. В это время на горе, мимо которой летел наш самолет, появились вспышки, и мы скорее представили, чем услышали воющий звук мин. Но до нас им не долететь, мины упали в речку, разорвавшись на камнях в пенящемся потоке.

Летчик повернул обратно, сказав, что поляна хороша, но слишком близка к линии фронта. Пролетаем на малой высоте над верхней зоной Правого Генцвиша. Снова показываю пилоту вниз.

— Вижу, — стараясь перекрыть гул пропеллера, кричит он. — Место хорошее, наверно, лучшего здесь не найти. Много камней, но их можно убрать...

Приземляемся на своем аэродроме и подробно информируем обо всем виденном командарма. По его распоряжению тотчас выделили пятьдесят бойцов из рабочего батальона и направили к выбранной нами поляне.

Время близилось к вечеру. Летчики решили заночевать в самолетах. К Леселидзе и сопровождающим его автоматчикам подвели присланных из штаба лошадей. Минут за двадцать добираемся до Чхалты. Я и Бондо снова уговариваем генерала зайти к нам, но на этот раз он остановился на ночь в пустовавшем помещении конторы хозяйства.

Наутро, оседлав коней, вшестером, включая одного из летчиков, мы выехали в направлении приглянувшейся с воздуха поляны.

Природа в этих местах особенно красива. Наш маршрут пролегал мимо впадения в Кодор его полноводного левого притока — зеленовато-зеркальной реки Мрамбы с обступившими русло высокими складчатыми горами, кое-где обнаженными, но большей частью густо поросшими мелким кустарником, огромными каштанами, дубами и буками, а по самым верхам — шеренгами темно-зеленых елей. В разных местах на склонах виднелись добротные сложенные сванские коши, служившие пристанищем для охотников и пастухов.

Проехали десятка полтора километров. Вот и поляна. Бойцы из рабочего батальона уже были на месте. Летчик произвел детальный осмотр местности и заметил, что слишком близко здесь находился невзрачный деревянный домик с подсобными постройками, в котором жила семья колхозника Артема Маргвлиани. Это обстоятельство могло стать опасным для самолетов при заходах на посадку и взлетах. Что было делать? Леселидзе высказал мнение, что придется Маргвлиани переселить, но все должно быть сделано по-доброму, и обратился ко мне:

— Переговорите, пожалуйста, с хозяевами, постарайтесь найти с ними общий язык, может быть, поймут нас и согласятся.

Хозяин домика, стоя у своей калитки, поглядывал в нашу сторону: видимо, заметил что-то для себя неладное. Я поспешил к нему и рассказал обо всем, как есть. Вместо ответа он низко опустил голову и долго не мог произнести ни слова.

Конечно, человека можно понять: вероятно, в этом домике он родился, вырос, обзавелся семьей, все ему здесь памятно и дорого... Но, с другой стороны, если подумать о том, чем в эти самые дни жертвуют миллионы наших людей; часто неизмеримо большим — своей жизнью.

— Я не против того, чтобы перенести хозяйство в другое место, — наконец вымолвил он. — Но взгляните — крыша у дома совсем старая, ветхая, чуть тронешь — рассыплется...

Я прервал его:

— Мы заготавливаем дрань для воинских частей, завтра же доставим сюда на лошадях кровлю для вашего дома, крыша станет совсем новая, дом и сарай построят на новом месте наши люди и все будет сделано как можно лучше.

Крестьянин приободрился, осмотрелся, указал на пригорок метрах в трехстах от его подворья. Поблагодарив его за согласие, я подошел к генералу, рассказал ему о нашей с Маргвлиани договоренности и показал выбранное им для переноса своего хозяйства место.

К. Н. Леселидзе приказал капитану, руководившему рабочей бригадой, заняться этой работой, предупредив его, чтобы ничем не обидеть крестьянина. Бойцы стали разбирать дом. Домашние вещи и хозяйственную утварь временно сложили в сарае. Одни занимались разборкой построек, другие на плечах и носилках переносили материалы к пригорку. За три часа хозяйство Маргвлиани полностью оказалось на новом месте, и мастера начали закладывать фундамент его нового дома. Все делалось быстро, основательно, действительно по-военному.

Убедившись в этом, мы вернулись в Чхалту, и генерал в тот же день улетел в Сухуми.

Уже на третьи сутки второй горный аэродром, выдвинутый еще ближе к Клухорскому перевалу, начал принимать и отправлять самолеты. Теперь на фронт «работали» две поляны.

IX. УРОК ПАНИКЕРУ * ЗНАКОМСТВО С БАТАЛЬОНОМ МАЙОРА ШАРИКОВА * ВСЕГДА ЛИ Я ПОСТУПАЛ ПРАВИЛЬНО?

В воинских частях, да и среди гражданского населения хорошо знали о приказе наркома обороны от 28 июля с требованием «Ни шагу назад!». Усиление партийно-политической работы в войсках обеспечило укрепление дисциплины во всех звеньях обороны. Приказ оказал огромное воздействие на советских людей — воинов и тружеников тыла, заставил их еще выше поднять бдительность, еще больше напрячь силы для отпора врагу, подготовки его полного разгрома.

Как известно, несмотря на принимаемые меры, и в последующие несколько месяцев военное положение на юге страны, в районе Сталинграда и на Кавказе, продолжало складываться для наших войск неудачно. Не все возможности для организации сопротивления врагу использовались действенным образом.

Однажды, зайдя в чхалтинский штаб тыла, застаю там изможденного человека в выдавшей виды форменной одежде с подполковничьими погонами. Глаза какие-то затравленные, просящие, взгляд то и дело косит куда-то в сторону.

— Товарищ уполномоченный, — обратился он ко мне. — Говорят, вы можете нам помочь. Нас сорок пять человек, мы голодны, двое суток ничего во рту не было, силы на исходе...

— Кто вы такие и откуда?

— Мы добрались сюда с Северного Кавказа... Наша часть стояла на берегу Кубани. Неожиданно напали фашисты. Скажу откровенно, нас застали врасплох, многие погибли, а оставшиеся в живых в беспорядке подались в горы. Наша группа на лошадях направилась к Марухскому перевалу, который, как потом нам стало ясно, был уже захвачен немцами. Среди нас оказался человек, знающий другую дорогу через хребет. И вот, после долгих мучений, каким-то чудом, мы дошли сюда...

— Вас разбили, вынудили отступить, и все потому что, как вы сами признали, к нападению фашистов не были готовы, да и не готовились. Вы, наверное, спали тогда, — не выдержав, прервал его я.

— Нет, нет, мы не спали!.. — возразил он. — Силы

были уж больно неравны. Чего скрывать: прет мерзавец Гитлер, его трудно остановить...

— Вы, я вижу, товарищ подполковник, совсем упали духом. Ваши слова мне определенно не нравятся. Как же воевать, да еще руководить бойцами с таким настроением?!

— Нет, мы немного здесь отдохнем, приведем себя в порядок и, если разрешат, зайдем порученный участок обороны...

Как бы то ни было, пока-что пришлось вызвать заведующего столовой и предложить ему накормить по положенным нормам добравшихся до нас людей во главе с их незадачливым командиром.

Подполковник вышел. Спустя несколько минут в дверь постучали и на пороге появились молоденький белобрысый лейтенант с красноармейцем, оба без пилоток, тоже в истрепанной форме.

— Извините, товарищ, не знаем вашей фамилии и звания, — начал лейтенант. — Только что от вас ушел подполковник, командир нашей разбитой части, и мы просто не могли к вам сейчас не зайти. Боец вот — коммунист, я — только комсомолец, и мы хотели бы вам кое-что сказать... Подполковник, конечно, не предатель, но положиться на него никак нельзя, панически боится фашистов, за каждым камнем ему чудится враг... А мы так не можем, и не только мы. Можно сказать, все наши люди к вам послали — пойдите, мол, и прямо скажите: хотим воевать, и там, где прикажут. Он, небось, отдельный участок требовал — это чтобы командиром нашим остаться. А мы его не желаем, навидались!..

Пришлось разъяснить, что я не вправе решать их судьбу, обо всем передам кому следует.

Лейтенант вскинул на прощанье руку и воскликнул:

— Мы еще повоюем, товарищ! Вы только помогите нам определиться...

Как только самолеты стали курсировать систематически, К. Н. Леселидзе стал бывать у нас чаще. Прилетел он и в тот день, когда здесь оказалась группа северокавказских беженцев. Я рассказал ему обо всем, что сегодня пришлось выслушать, и о своих впечатлениях от объяснений подполковника.

Генерал вызвал подполковника к себе и стал в моем присутствии с ним беседовать. Тот повторил все ранее

сказанное и вновь заявил, что если его группе дадут боевой участок, они будут воевать.

Леселидзе строго взглянул на него и, не скрывая презрения, сказал:

— Вы, оказывается, большой трус. При таком качестве вам ничего доверять нельзя!

— Товарищ генерал, обстоятельства, ведь Гитлер-то действительно прет, — смущенно пытался оправдаться подполковник.

Генерал поручил особому отделу оперативно проверить людей из этой группы и потом решить вопрос об их использовании в боевых порядках. Истощенные лошади были взяты на учет, подкормлены и в дальнейшем неплохо послужили фронту.

Конечно, в своей массе наши бойцы и командиры сражались беззаветно, с глубочайшей верой в победу. Уверенность в правоте своего дела и неперменной победе над врагом составляла внутреннюю силу миллионов защитников Родины. Но, как видно из описанного выше эпизода, встречались и малодушные люди, подчас в чинах. В горниле войны, спаявшем наших людей воедино, у некоторых не удалось выжечь и вытравить свойственные им мелкотравчатость и разболтанность.

Вспоминается и такой эпизод. В штабе тыла раздался телефонный зуммер. Звонили из штаба с Клухорского перевала. Полковник Огородов сообщил, что, как ему стало известно, три дня назад штаб армии направил на пополнение защитникам перевала батальон под командованием майора Шарикова. Это подразделение уже должно находиться на фронте, а его все нет. Может быть, в дороге что-то произошло?..

Звонить неизвестно куда и наводить справки почему-то казалось затыжным или даже бесполезным делом — ведь по Военно-Сухумской дороге в те дни двигалось много подразделений, и каждое из них знало свой маршрут. Кроме дежурного офицера и меня в штабе тогда никого не оказалось. Лошадь моя днем всегда стояла бседланной у коновязи. Недолго размышляя, попросил офицера придать мне двоих автоматчиков, и мы двинулись верхами по дороге на поиски пропавшего батальона.

Проехали километров семь и чуть в стороне от обочины, во дворе известного мне старого крестьянина Куцы Ахсалба, увидели расположившихся на постой

солдат. В одном из уголков двора пылал костер, над которым был подвешен большой котел. У костра хлопотал солдат в белом фартуке с черпаком, наливая вареву в подставляемые бойцами котелки. В сторонке замечаю распяленную сырую кожу, по всей видимости, снятую с дикого кабана. Подъезжаю к одному из солдат и спрашиваю:

— Кто ваш начальник?

— Майор Шариков.

— Где его найти?

— Да вот он, сидит с товарищами, завтракает...

В это время вышел хозяин дома, заметил меня, поздоровался и стал мне рассказывать, что на его кукурузное поле повадился ходить из лесу кабан, а ружья у него нет. Поэтому он вчера вечером попросил бойцов проходившей мимо части помочь ему найти управу на зверя. Часть остановилась в его подворье, а ночью несколько солдат устроили засаду и подстрелили любителя кукурузы. Теперь вот угощаются, даже чаю им в благодарность выставил. — Хотите, и вам дам перекусить...

Так говорил старый Куца Ахсалба, видимо, не отдавая себе отчета во всем содеянном. Но что было с ним делать? Извинившись перед стариком, я решительно отказался от угощения и направил коня в сторону Шарикова. Смотрю, он вроде в подпитии, рядом стоят две порожние бутылки. На мой вопрос услышал недовольный ответ:

— Ну, я Шариков. А в чем дело?

— Вас ждут на фронте, а вы здесь преспокойно прохлаждаетесь. Батальону надлежит сейчас же двинуться в путь.

— Вы нами не командуйте! Мы свое дело знаем...

Я слез с коня. Собственно, это надо было сделать раньше, но до того был возмущен увиденной картиной, что даже не подумал об этом вначале. Слово за слово, крепко мы с Шариковым переговорили. Ахсалба стал между нами и тихонько говорит мне по-абхазски:

— Зачем с ними скандалите? Покушают и пойдут...

Ну, ладно, думаю, убедить этого майора сейчас, наверно, не удастся. Я предложил Шарикову вместе подойти к телефону, позвонить туда, где его ждут, и все для него сразу станет ясно. Телефон, как я знал, нахо-

дился совсем недалеко, у дороги, в дупле старого орехового дерева. Был известен мне и пароль.

Майор недоверчиво посмотрел на меня, но все же пошел. У аппарата говорю ему:

— Поднимите трубку, крутаните, и вас услышат на чхалтинской узловой станции, а потом попросите «Баку».

— Буду в Чхалте — тогда и позвоню. А сейчас мне с ними говорить нечего. Я хочу, чтобы вы туда позвонили, и очень интересуюсь, о чем станете рассказывать. — Стоит рядом и держит на изготовке свой автомат.

Залез я в дупло, нащупал аппарат, снимаю трубку и начинаю крутить ручку. Чхалта ответила почти мгновенно. Потребовал «Баку», но оттуда с ответом задержались. Наконец слышу знакомый голос Огородова. Говорю ему: так, мол, и так, нахожусь на сухумской дороге, в семи километрах от Чхалты, разыскал майора Шарикова, они идут пешком, с тяжелым снаряжением, очень устали, сегодня получили подкрепление продовольствием и уже продолжили путь, майор дал слово, что к вечеру будут в вашем распоряжении... — И повесил трубку.

Шариков во все глаза смотрит на меня и заявляет:

— Ну и дипломат! Вот не знал. А, предположим, если бы что не так, я бы вас угробил?..

— Отказываюсь вас понимать, товарищ майор.

— Да я ждал, что скажете: нашел Шарикова и его ребят выпившими и все такое прочее. Кстати, и выпили мы на весь батальон пару бутылок... А ведь кроме этого, обо всем остальном верно сказали: действительно, притомились бойцы — ведь все, или почти все, впервые в жизни в горах. Подъем да подъем. Себя не оправдываю: виноват. Ну, ничего, фронт все грехи загладит...

По возвращении Шариков дал команду, и часть без промедления выступила в поход, быстро добралась до Чхалты и, не останавливаясь, продолжила свой путь.

На другой день я позвонил в клухорский штаб, и мне сказали, что часть майора Шарикова уже получила боевое крещение. Немного погодя нам сообщили, что в эти дни на Клухорском направлении достигнуты серьезные успехи — захватчиков вынудили на несколько километров откатиться назад.

...Случай с майором Шариковым, о котором я сейчас, как может показаться, легко и беспечно рассказал,

на самом деле заставил меня крепко призадуматься.

Прежде всего я извлек из него для себя урок: ни при каких обстоятельствах не поддаваться первому впечатлению, всегда стараться сохранить выдержку, не куражиться, до конца разбираться в обстановке и, принимая решение, взвешивать все «за» и «против». Иначе рискуешь не только нарваться на личные неприятности и прослыть человеком легкомысленным и необъективным, но и в немалой степени повредить делу.

Вот и в эпизоде с тем же Шариковым. Он, конечно, не без греха, притом очень серьезного, — промедлил с маршем к фронтовым позициям, тем более, что там ждали, на его часть рассчитывали. И ни в какой мере оправдывать его не берусь.

Но был ли во всем прав я сам в начале нашей встречи с Шариковым и его батальоном? И, размышляя об этом, пришел к твердому убеждению, что допустил ряд ошибок, которые могли привести к самым непредвиденным последствиям.

Ну, во-первых, ни к чему было въезжать во двор Куцы Ахсалба верхом на коне да еще, позабыв о скромности, говорить, сидя в седле, со встречными солдатами, с хозяином дома, с майором. Тем более, человек я невоенный, а с места в карьер учинил разнос комбату, стал его стыдить при подчиненных, вольно или невольно снижая его авторитет. Он, с первого взгляда, показался мне выпившим, даже пьяным, но, как я потом мог в этом убедиться, ему, наверно, едва удалось приложиться к стакану — ведь сам Ахсалба подтвердил, что две бутылки чачи, выставленные им в благодарность за ликвидацию лесного разбойника, действительно, пришлись на несколько сот человек...

Так-то... Да послужит эта история мне уроком, — так я решил про себя и в последующем старался во всех, даже экстремальных, условиях поступать, не подчиняясь первому побуждению. Выдержка и рассудительность необходимы во всем. А в выполнении порученных мне областным комитетом партии задач в те тревожные и предельно напряженные дни эти качества требовались вдвойне.

Х. ЖИЗНЕННЫЙ УКЛАД ГОРЦЕВ И ВОЙНА* НЕПРИМИРИМОСТЬ К ПРОИЗВОЛУ* РАНЕННЫЙ МАЙОР* ШАМИЛЬ ВОЗВРАЩАЕТСЯ К СВОЕМУ ХОЗЯИНУ

Пусть читатель мысленно представит себе перемены, которые принесла в этот девственный и своеобразный край война. До битвы на перевалах Главного Кавказского хребта здесь редко в большом числе бывали неместные люди, разве что туристы, группами и в одиночку, иногда брели с рюкзаками за спиной по Военно-Сухумской дороге на Клухор, да и не был развит у нас до войны горный туризм. Сваны — землепашцы, лесники и пасечники, скотоводы и охотники — многими десятками лет жили патриархально, обособленно, несмотря на социально-экономические изменения, происходившие и в здешнем высокогорье, нередко следуя нравам и традициям своих предков, не исключая, к большому сожалению, еще бытовавшего тогда и подчас опустошавшего целые семьи жестокого обычая кровной мести. В большинстве своем люди здесь чувствовали себя привольно, земли были немеренные, богатая и дикая природа давала горцам самое насущное, в чем они нуждались, а потребности их всегда были просты и неприхотливы.

И вот в эти заповедные места пришла война, и над краем темной тучей нависла смертельная угроза. Патриотические чувства местного населения, естественно, сливались с общими чувствами и стремлениями советских людей, вставших грудью на борьбу за честь, свободу и независимость Родины. Впервые за много-много лет по зараставшим травой и вновь проложенным дорогам и тропам сюда пришли десятки тысяч людей, чтобы любой ценой остановить, разбить и сбросить фашистского зверя с Кавказских высот.

Горцы сознательно и мужественно отнеслись к переменам, вызванным войной. И само собой подразумевалось, что всем, кто оказался по воле обстоятельств здесь в дни переживаемых страной тяжелейших испытаний, безусловно следовало считаться с добрыми обычаями горцев, ничем не ронять извечно унаследованного ими природного достоинства.

Говорю об этом к тому, что хотя здесь, в горах Абхазии, как и во всей стране, единство фронта и тыла бы-

ло непоколебимо, жизненный уклад местного населения пользовался всеобщим уважением, все же находились отдельные лица, поступавшие согласно ложному представлению о том, что, дескать, «война все спишет», не всегда пребывавшие в ладах с этикой в своем отношении к местным жителям. Нечего и говорить, даже единичные такие факты требовали от каждого из нас самого решительного, немедленного осуждения.

... Уже с начала сентября в горах похолодало. Порой день напролет лил холодный дождь. Однажды я пришел домой очень поздно, уставший, промокший, голодный. Разыскал остатки чурека и сыра, запил здешней отличной ключевой водой, прилег и сразу уснул. Но уже через несколько минут был разбужен стуком в дверь.

Еще лежа, громко спросил:

— Кто стучит?

— Я Бадри Гугусиани. Откройте, пожалуйста, я к вам...

Встал, зажег свечку, оделся, открываю дверь. На пороге — знакомый мне высокий здоровяк.

— Заходите. В чем дело? Что стряслось?

— Недавно к нам пришли солдаты, человек двадцать, а то и больше. Сами знаете, домик у меня маленький. Тот, кто их привел, занял кухню, а детей, жену с грудным ребенком и старуху-мать выставил из дому на балкон. Со мной и разговаривать не стал. Одно твердит — война требует...

— Сейчас же пойду с вами. — Надел сапоги, кожаное пальто и, чтоб сколько-нибудь придать себе военный вид, прицепил пистолет, прихватил подаренную офицерскую шапку, а затем последовал в сплошной тьме, под дождем, за Гугусиани.

Приходим, так и есть: вся семья Бадри на открытом балконе домика. Неподалеку часть солдат развела большой костер, греются. Небольшая кухонка переполнена. Выясняю, что это молодые бойцы из только что прибывшего рабочего батальона. Из командного состава с ними никого не оказалось.

— Ребята, — говорю спокойно и внушительно, — вижу, что промокли под дождем, устали, наверно. Но разве допустимо то, как вы поступаете? Старуху и малых детей выгнали на холод. Где у вас человеческая душа?

Кого же мы защищаем, если не их?.. Советскому солдату непристойно вести себя таким образом!

Бойцы смутились, кто-то вышел на балкон, видимо, для того, чтобы вернуть к очагу семью хозяина домика. Вдруг выскакивает один в захватски надетой пилотке и, хорохорясь, заявляет:

— Подумаешь, чтец-беседчик выискался? Нам мораль читать нечего. Сами знаем кого защищаем...

Этого человека, который, как я потом узнал, и явился застрельщиком всей этой некрасивой истории, тут же осадили сами товарищи. Условились, что сейчас же пойдем в штаб тыла, где для них в оперативном порядке отыщут подходящее помещение.

Домик быстро опустел. Я вышел на балкон, откуда семья Гугусиани отказалась уходить, пока кухня была занята, взял старуху под руку и проводил ее в дом. — Садитесь, — говорю, — бабушка, со своими внучатами, никто вас больше не потревожит.

Дождь к тому времени перестал. Солдаты построились, и я повел их в штаб, где им был организован ночлег в теплом помещении нашей столовой. А утром сообщил об этом случае командованию. Человек, столь бесцеремонно обошедшийся с семьей колхозника, был подвергнут строгому взысканию, а командир подразделения получил предупреждение.

Пожалуй, наибольшее искушение у некоторых падких на чужое добро людей или в силу других разных обстоятельств вызывали великолепные, как бы самой природой приспособленные к горным условиям, лошади местной породы. У каждого горца лошадь — самое драгоценное имущество, без нее он просто не мыслит своего существования. Возможно, в горах, как нигде, беспощадны к конокрадам. Человек, осмелившийся на кражу лошади, становился злейшим, даже смертельным врагом ее хозяина, подвергался общественному презрению и осуждению. Это один из наиболее укоренившихся здешних обычаев, и потому случаев конокрадства местными жителями в горах редко кто припомнит.

Как я рассказывал, сельское население автономной республики, в том числе, разумеется, и колхозники-сваны, передали для нужд фронта немало различных средств гужевого транспорта, включая лошадей. В то же время, с учетом местных особенностей, по крайней

мере, по одной лошади на колхозный двор было оставлено в распоряжении горцев, и это их имущественное право не оспаривалось мобилизационными органами на протяжении всей войны.

Сваны это хорошо знали. Можно поэтому понять возмущение крестьянина-горца, у которого кто-либо под любым предлогом пытался увести или реквизировать коня.

Припоминается случай, виновником которого явился один из довольно ответственных работников, превысивший свои полномочия и злоупотребивший служебным положением.

Как-то, возвращаясь из очередной поездки к Марухскому перевалу, не доезжая Чхалты, я был остановлен двумя взволнованными колхозниками-сванами. Рассказав, что к ним недавно заявился со своими помощниками этот человек и насильно отобрал лошадей, они попросили найти на него управу.

Формальным правом вмешиваться в действия этого работника по роду его службы я не располагал, но сознание того, что меня сюда направила партия, давало мне все основания для такого вмешательства.

Заходим во двор Дето Субелиани, где тогда располагалась группа, возглавляемая этим работником. Смотрю: к забору привязаны две лошади, а рядом стоят, плача, жены встретившихся со мной людей.

Вежливо и, как мне казалось, очень убедительно я попытался объяснить Н. (назовем так этого работника) о неправильно произведенной им реквизиции, напомнил ему, что все лошади местных жителей состоят у нас на учете, что этими лошадьми крестьяне оказывают большую помощь фронту, поочередно доставляя туда продовольствие и боеприпасы, что партийные и правительственные органы союзной и автономной республик дали специальную директиву о том, чтобы ни в коем случае не допускать какого-либо самоуправства по отношению к населению.

— Правительство Грузии и Абхазии я не знаю и им не подчиняюсь! — запальчиво вскричал Н.

— Вы ответите за свои безобразия и за эти слова, — разозлился я. — К вашему сведению, как раз сегодня мы ждем приезда руководителя нашего правительства. Посмотрим, как будут расценены ваши поступки!..

Слово за слово, он был вынужден умерить свою

спесь. По моему знаку крестьяне отвязали лошадей и отвели их к себе. Чуть позже мне стало известно, что Н. не впервые допускал случаи незаконной реквизиции лошадей, угрожая всевозможными неприятностями. Пришлось доложить об этих фактах в тот же день прибывшим в Чхалту председателю Совета Народных Комиссаров Грузии В. М. Бакрадзе и генералу Қ. Н. Леселидзе. Проступки Н. были в срочном порядке расследованы, и его вскоре отстранили от занимаемой должности.

Запал в память случай, связанный с моим старым другом Баталбеем Цулукидзе, тем самым, который так отличился при создании у Чхалты первого нашего полевого аэродрома.

Понадобилось мне однажды ехать к Марухскому перевалу. Хотелось встретиться с фронтовиками, собственными глазами взглянуть на все там происходящее, откровенно побеседовать, выяснить, в чем нуждаются воины, да и кое-что, в меру возможности, прихватить для них с собой. Но отправиться туда одному, без опытного проводника, было бы крайне неосмотрительно, тем более, что намеревался я ехать на Марух по более короткой тропе, о которой мало кто знал.

Бывает так: человек движется по еле заметной тропе, и вдруг она теряется в зарослях... Куда идти?.. Человек смотрит вверх, вниз, в стороны — нигде нет никаких ориентиров. Что делать? Первым приходит решение низом выйти к людям, к какому-нибудь населенному пункту. Но чем дальше вниз, тем круче склоны, тем более глухим становится ущелье, тем гуще вечнозеленый, перевитый лианами, подлесок из рододендрона, лавровишни и паддуба под покровом вековых пихтовых и буковых деревьев. В конце концов одинокий путник, незнакомый с этим местом, оказывается в настоящей западне, теряет силы и разум и, своевременно не получив помощи, может погибнуть. Об этом, кстати, всегда надо помнить людям, не имеющим опыта путешествий по западным склонам Кавказов.

Перед выездом стал подбирать проводника, знающего путь к перевалу, проходящий по правому берегу Чхалты. Но все мои усилия оказались тщетными, пока я случайно не повстречался с Баталбеем. Выяснилось, что ему хорошо известен этот маршрут, и он вызвался меня сопровождать.

На следующий день прихватили с собой одного бойца и засветло выехали в горы. У каждого к седлу приторочено по два мешка, набитых пачками листового табака, сухарей, колотого сахара, хлебом и консервами — все для фронтовиков. Нам предстоит проехать около двадцати пяти километров по обрывистой тропе и сегодня же вернуться в Чхалту.

Впереди на своем Шамиле, неподвижно сидя в седле, едет Баталбей. Конь его не ступает, а, можно сказать, танцует, для него что подъем, что спуск, что самый край головокружительной бездны — все одно. Слышу, как Баталбей уговаривает коня: осторожно, Шамиль, не балуйся, не шали... А тот только прядет ушами, скосит глаз на хозяина, кивнет головой, словно все понимает, и упрямо продолжает гарцевать, отбрасывая камешки из-под копыт.

Добрались мы примерно до назначенного места, дальше ехать было нельзя — совсем близко слышалась перестрелка, ухнул чей-то снаряд. Не зная местности и обстановки, можно было запросто попасть в беду.

В лесу, чуть в стороне от боевых позиций, после трехкратной проверки патрулями, встретились с несколькими находившимися на кратковременном отдыхе подразделениями, вручили им продукты. Особенно порадовал бойцов наш абхазский табак. Вскрыв одну из пачек с желтыми ароматными листьями, пожилой боец, помню, даже расцеловал нас.

Долго, однако, нам оставаться здесь не пришлось. Части сменялись. Уточнив в местном штабе нужды в продуктах, а заодно и в боеприпасах, возвращаемся обратно другой, гораздо более проторенной дорогой. В пути спрашиваю у Баталбея:

— Наверно, ваши предки родом из Хони? Фамилия известная, много слышал и читал о старейшем революционере Александре Цулукидзе. А ведь он был из Хони — так прежде назывался центр нынешнего Цулукидзевского района.

— Вы правильно подметили, — отвечает Баталбей. — Мой дед в самом деле из Хони.

— А что, после он переселился в Абхазию?

— Нет, сначала в Верхнюю Сванетию, а я, его внук, уже оттуда в Абхазию — видите, как складывается судьба человека...

— Наверно, у вашего деда была причина для того,

чтобы оставить родные места и переселиться в горы?

И я услышал рассказ о молодом крестьянине-имеретинце, едва сводившем концы с концами, рано обзаведшемся семьей и обиженным наглым соседом-богачем, вынудившим его ввязаться в драку — сосед выхватил пистолет, но дед Баталбея сумел его опередить и застрелил из ружья. Кровная месть в свое время бытовала и в предгорном Хони. У умершего соседа остались три брата, поклявшихся отомстить за убитого. Дед наскоро собрался, пригнал с выпаса скот, оседлал лошадь, захватил семью и кое-какие пожитки и, оставив хозяйство на произвол судьбы, навсегда покинул Хони.

Солнце еще было довольно высоко, когда мы вернулись в Чхалту. Распрощавшись с товарищами, привязал в конюшне лошадь и усталый, голодный, пошел к себе отдохнуть. Не прошло, однако, и двадцати минут, прибегают Баталбей. Дрожит, весь потный, глаза прямо остекленевшие — таким я его никогда прежде не видел.

— Платон, помоги, я пропал, Шамяля забрала воинская часть!..

— Как забрала?!

— Как только мы разъехались, я оставил коня без привязи на улице и зашел в магазин. Выхожу — и глазам не верю: какой-то офицер сбрасывает с Шамяля мое седло на землю, крепит на нем другое седло и садится на коня. Я ничего не мог поделать — с ним целая армия автоматчиков. Он упорно смотрел в сторону и даже не стал со мной разговаривать. Они повернули на Марух по той самой дороге, что мы возвращались. Ведь ты хорошо знаешь, я уже дал армии одну такую же лошадь. Без Шамяля не проживу, в нем — душа моя. Если вы, местная власть, мне не поможете, я сам сейчас помчусь за ними. Пусть меня убьют, но Шамяля не отдам!..

Читатель может представить себе гнев и боль, вызванные у меня сообщением Баталбея. Как же так?! Только что были вместе, отвезли защитникам Маруха гостинцы, да и раньше Баталбей Цулукидзе во всем подавал пример настоящего патриота, и вот на тебе — так жестоко обидеть этого благородного человека!..

Никто не вправе самоуправно отбирать коня. Что же мне надлежало сделать? Конечно, вернуть лошадь ее законному владельцу. Это мой долг и перед ним и перед самим законом. Понимаю, что Баталбей вряд ли

увидит своего Шамиля, если я этого сегодня же не добьюсь. А население? Ведь перед ним я тоже отвечаю... И что скажут про меня, если не помогу Баталбею?

— Поехали, друг, не тужи, вернем твоего Шамиля!

В распоряжении нашего штаба постоянно находились две-три лошади на всякий экстренный случай. Посадив Баталбея на одну из них, беру с разрешения дежурного по штабу с собой бойца-пограничника с автоматом, и втроем мы скачем вдогонку ушедшей вперед части.

Не скрою: в пути меня начали одолевать всякого рода сомнения. «Что ты делаешь?.. — спрашиваю сам себя. — Крестьянин потеряет лошадь — ну, что из этого, люди не то что жертвуют конем, голову свою кладут для спасения Родины... Вдобавок почему ты не подумал о том, что сулит тебе предстоящая встреча с похитителем?» Минут пять, наверно, скакал я сам не свой. Но в конце концов эти раздумья не отменили моего первого решения. Справедливость и закон — прежде всего! А там будь что будет!..

На шестом километре, у поляны близ орехового питомника, мы нагнали устроившее привал подразделение примерно из шестидесяти автоматчиков. Командир его, в звании майора, сидел в сторонке на камне с низко опущенной головой, держа за уздечку стоявшего рядом Шамиля с новым офицерским седлом. Завидев Баталбея, конь громко заржал.

Вместе с Баталбеем подъезжаю к майору. Сзади — наш пограничник. Спешились, поздоровались, и тут же, не стерпев, начал по существу:

— Как же так, товарищ майор, почему самовольничаете? Если вам нужна была лошадь, обратились бы в наш штаб. Этот конь мой, мы его сейчас заберем. Вот мое служебное удостоверение...

Майор искоса взглянул на мой мандат, не произнес ни слова и снова опустил голову. Немолодой, худощавый, с каким-то отрешенным, страдальческим выражением на лице, он произвел на меня странное впечатление.

— Вы все поняли, товарищ майор? — видя такую безучастность, переспросил я. — Лошадь принадлежит мне. Распорядитесь, чтобы ее сейчас же расседлали! — Я так разнервничался, что в тот момент начисто позабыл о своем решении во что бы то ни стало соблюдать

выдержку, и даже не узнал своего голоса.

А он молчит, не отрывая глаз от земли.

Тогда я предложил Баталбею самому снять с Шамиля чужое седло с уздечкой. Тот в два счета все сделал, отвел лошадь в сторону и, вместо уздечки, натянул на шею коня свой пояс.

Тем временем майор продолжает молчать, словно все что делается, его совершенно не касается. Вокруг нас стали собираться солдаты. Чувствую: создается напряженная обстановка. Замечаю неладное: майор вроде переложил на колени свой автомат с диском... Возникло ощущение, что стоит мне повернуться назад, как из автомата прогремит роковая очередь. Что ему? Через два-три часа со своими людьми он уже вступит в бой, кто с него тогда станет спрашивать за какой-то прискорбный дорожный инцидент?..

Я постарался взять себя в руки. Уже в спокойном, рассудительном тоне обращаюсь к нему:

— Может быть, с вами, товарищ майор, не все в порядке? Странно ведь: ваши солдаты идут пешком, а вы на лошади. Может, чувствуете себя плохо?

— У меня же нога болит, проклятая нога!.. — неожиданно с надрывом выкрикнул майор. — Вы поняли меня — проклятая нога, — повторил он. — Потому и взял вашего коня... Поезжайте, вам здесь делать больше нечего.

— Погодите, товарищ майор, раз у вас болит нога, мы дадим вам лошадь, но не ту, а другую. Не возражаете?

— Да вы что, шутите со мной? — удивился майор.

— Нет, нет, совершенно серьезно. Покажите вашу ногу.

— Но ведь вы не хирург!

— Это ничего. Помогу вам сменить перевязку.

Он с трудом стянул сапог с правой ноги, обвязанной запекшимся в крови бинтом. Я вынул из всегда бывшего при мне припаса чистый бинт и помог ему справиться с перевязкой. Рана была серьезная, по всей видимости, пулевая.

Майор подтвердил, что был ранен несколько месяцев назад при оставлении Керченского полуострова... Долго лежал в одном из сочинских госпиталей, стало как будто лучше, и после выписки был направлен в распоряжение 46-й армии. Но рана на ноге полностью

не зажила и во время марша в горы вновь открылась. В пути офицеру дали лошадь, но она оказалась слабой, ненадежной. Бойцы были вынуждены снять с нее седло, и майор зашагал в пешем строю. Шел и думал только о том, как бы выдержать мучительную боль, сохранить силы до фронта, довести туда свою роту и принять бой...

Кажется, мне стала понятной причина его первоначального длительного молчания: ему одновременно было и больно и совестно. А страхи и прочие эмоции, вызванные во мне этим молчанием, были просто ошибочными, предвзятыми. Передо мной находился вовсе не злоумышленник, не самонадеянный наглец, а, хотя и совершивший неверный поступок, но испытывавший немало страданий, достойный сочувствия, сознающий свой долг человек. Былая неприязнь отхлынула прочь. Я предложил Баталбею, слышавшему наш разговор, переменить седло на лошади, доведшей его сюда, и подвести ее к офицеру.

— Садитесь на лошадь, товарищ майор, — помогая ему встать с камня, сказал на прощанье. — Мы обязаны вам помочь. Желаю вам от всего сердца здоровья и успеха в боях!

Майор с благодарностью пожал нам руки, с трудом взобрался на лошадь и во главе своей роты продолжил путь в горы. Больше я его не встречал...

Конечно, случай случаю — рознь. Скажем, характер происшествия с Шамилем, разумеется, не похож на произвол, учиненный Н. Почему же все-таки я счел уместным рассказать об этих, крайне редких, вовсе не типичных эпизодах? Да потому, что в их конечном исходе, даже в экстремальных условиях военных потрясений, по существу неизменно проявлялась гуманность нашего общественного строя, гуманность Советского государства в отношении прав своих граждан и одновременно выражалось осуждение тем, кто так или иначе пытался нарушить эти права.

ХІ. РЕТРОСПЕКТИВА: СХВАТКА С ЧХАЛТОЙ * ДЕВУШКА СПАСЕНА * КАК Я СТАЛ РОДИЧЕМ СВАНОВ

Что касается меня лично, то истоки доброго отношения к себе со стороны многих жителей верховьев Кодора уходили еще в довоенное прошлое, конкретно — ко второй половине 1938 года. Именно тогда произошел случай, породнивший меня с одной из самых распространенных сванских фамилий.

В ту пору я стал систематически бывать в этих местах, как уже говорил, в связи с лесозаготовками. Както раз, возвращаясь с одного из участков, где производились рубка и обработка деревьев для сплава, у Чхалтинского моста услышал тревожные крики женщин и мужчин, сбегавшихся к беспокойному в период летнего таяния ледников правому притоку Кодора — реке Чхалте. Вздвухаяся, ревушая река несла вырванные с корнем деревья и кустарники, ворочала камни, взлетала каскадами брызг на перекатах. Остановив коня у стоявшей на берегу сельской кузницы, спрашиваю у кузнеца, крепко сложенного рачинца, что случилось, чем так обеспокоены люди. Он отвечает:

— Девочка бросилась в воду.

— Чья девочка?

— Сестренка Паши Гурчиани. — И кузнец показал мне место, где она стояла с кувшином на берегу, чуть ниже по течению реки. — Потом, — добавил он, — девочка поставила кувшин на камень, а сама бросилась в воду...

Кувшин и сейчас был виден среди прибрежных камней. Старшего брата бедняжки, Пашу, служившего в местной лесоохране, я знал довольно хорошо.

Я спрыгнул с лошади, отдал ее десятнику и попросил кузнеца вместе пойти на розыски.

— Что вы, товарищ нарком! Эта река сумасшедшая, просто бешеная. Да ее сразу далеко унесло. Ведь люди везде смотрят и не находят...

Несмотря на сомнения, кузнец пошел со мной. К нам еще примкнул один из милиционеров. То и дело пристально вглядываясь в бушующие валы разлившейся Чхалты, держась на некотором расстоянии друг от друга, прошли мы примерно с полкилометра. И внезапно из-за большого пологого камня, возвышавшегося в са-

мой середине реки, замечаю чуть приподнятую над водой человеческую голову с мокрыми черными прядями волос.

— Она здесь, здесь!.. Скорее сюда!.. — начал я звать кузнеца и милиционера, одновременно торопливо сбрасывая сапоги и брюки. Кузнец, тоже раздеваясь на ходу, быстро подбежал и вместе со мной ринулся в поток. Отплыв от берега, где течение не было очень сильным, мы тотчас попали в водоворот, вынесший нас на мель. Отсюда, стараясь держаться вместе, начали медленно продвигаться к камню. Свирепый поток то и дело сбивал с ног.

Стараясь не отстать друг от друга, падая и поднимаясь, по ужасно скользкому дну приближаемся к камню, оказавшемуся естественной преградой для жертвы неистовой реки. Вода временами доходит до плеч, леденит тело, но, казалось, все наши чувства и восприятия притупились. Наконец течением нас вынесло на камень, оказавшийся сглаженным временем грядой, вставшей поперек реки.

Когда приблизились к девушке и немного подтянули ее кверху, она показалась безжизненной. Я обхватил ее правой рукой и скорее угадал, чем почувствовал, слабое биение сердца. При возвращении, особенно перед самым выходом на берег, нам троим пришлось еще крепко повоевать с Чхалтой. Но, следуя уже известным бродом, мы сумели избежать опасного водоворота и наконец достигли берега.

Я был тогда молод и, как думал, очень силен. Но убедился: кузнец еще сильнее, чем я. Не будь его рядом, не поручусь за благополучное завершение нашей схватки с разбушевавшейся рекой. В ожидании нас милиционер стал стрелять в воздух, сзывая людей.

Хотя в долине было тепло, даже жарко, у нас зуб на зуб не попадал от ледяной ванны. Мы сразу приподняли все еще не подававшую видимых признаков жизни девушку вниз головой. Из ее рта вытекло немного воды. Милиционер накинул на нее свою шинель. Проверяю пульс: точно, стучит! Крикнул собравшимся людям: жива! У девушки дрогнули веки, она открыла глаза, но, видно, ничего не поняла. Ее уложили на носилки и отнесли домой. Из сельского медпункта туда прибыл врач, осмотрел девушку и сказал: организм молодой, ничего опасного, будет жить!

А кузнец не переставал всем рассказывать о том, как я первым ее увидел.

— Сомневался я, найдем ли, — признался он. — А Платон меня чуть не силком потащил с собой, и вот, к счастью, все кончилось хорошо...

Вечером пришли ко мне ее близкие — отец, мать, братья, другие родичи, и, честное слово, было просто неловко выслушивать столько благодарственных слов. Я тактично поинтересовался, какая причина могла заставить девушку — ее звали Кето и недавно ей исполнилось двадцать лет — броситься в воду.

Один из пришедших, пожилой сван, рассказал о подоплеке происшествия.

— С древних времен, — начал он, — живет среди нас один нехороший обычай. Родились, скажем, в одной семье девочка, а в другой — мальчик. И уже при рождении родители договариваются и предназначают их друг для друга. Так произошло и с Кето. При ее рождении в другой семье, по фамилии Чхетиани, родился сын. Родители мальчика, узнав о рождении Кето, приехали к ее отцу, Дато Гурчиани, объявили о рождении сына и выразили свое желание породниться. Гурчиани согласились. Они проживали в высокогорном селенье Птыш, а Чхетиани — десятью километрами ниже, в селенье Будзугури.

Дети выросли. Кето сызмальства обещала стать красавицей, и, в самом деле, так и вышло. Неплохим парнем стал и сын Чхетиани. Но сердцу не прикажешь: уж неизвестно почему девушке он не пришелся по нраву. Зная об этом, родители парня тем не менее продолжали настаивать на соблюдении уговора с родными Кето. А те, в свою очередь, всячески уговаривали девушку согласиться на этот брак.

Но нашла коса на камень. Однажды Кето сказала, что скорее покончит с собой, чем выйдет за Чхетиани. Тогда родные парня начали угрожать, что если девушка откажется от замужества, они убьют ее братьев, Пашу и Сула, а ее увезут насильно. Так оживал старинный жестокий обычай, и он-то подсказал Кето решение покончить с собой и тем самым уберечь братьев от кровавой расправы...

— Боюсь, что она повторит свою попытку уйти из жизни, — качая седой головой, заключил старик. —

Ведь она знает, что, если не выйдет замуж за Чхетиани, между нашими семьями пойдет непримиримая вражда, которая ничем хорошим не кончится.

До наступления ночи я зашел в медпункт узнать о здоровье Кето. Врач сообщил, что состояние девушки улучшается, она уже стала разговаривать. Отправился проведать ее. Вокруг девушки уже собрались подружки. Спрашиваю:

— Как дела, Кето?

— Это вы меня спасли?.. Спасибо вам... Но напрасно вы это сделали... Я не хотела жить... — У нее на глазах блеснули слезы.

— Что ты, Кето, дорогая, ты такая славная, молодая... Ты должна жить долго. Не падай духом, милая. Все будет хорошо, — успокаивал я ее.

Утром ко мне зашли отец Кето, ее дядя по матери и еще один близкий родственник девушки и пригласили вечером на ужин.

Дато Гурчиани сказал:

— Я, как вы, наверно, знаете, живу далеко, в горах, но сын мой, Паша, здесь имеет дом. Ждем вас с друзьями, обязательно приходите...

Я согласился. В тот день мне предстояло вместе с директором леспромхоза (им и тогда был наш знакомец Бондо Кавтарадзе) посетить один из лесозаготовительных участков, именовавшийся по названию протекавшей по нему мелководной горной речки Хецкуарским. Надо было, в частности, ознакомиться с ходом строительства в ее верхнем течении запруды, или, как ее величали наши строители, плотины. Запруда эта сооружалась для облегчения лесосплава по речке к руслу Кодора. Мы задержались там сравнительно долго и к дому Паши Гурчиани подошли как раз к ужину.

Застали там большое число приглашенных. Хозяин зарезал быка и созвал к себе всех родственников, близких соседей. Молодежь устроила во дворе круг — девушки и юноши, а среди них иной раз и седоголовые люди, поют, танцуют, веселятся.

По столь торжественному случаю хозяева сняли пергородку между двумя самыми большими смежными комнатами, образовался просторный зал. Стол уже был уставлен всевозможными яствами. Нас с кузнецом и милиционером, а также Бондо Кавтарадзе посадили на

почетных местах. Тамада провозгласил первый тост, и ужин начался.

Я осмотрелся. Где же Кето? Впрочем, вряд ли она успела настолько прийти в себя, чтобы выйти к гостям и занять место за столом. Все же я предполагал, что в застольных беседах кто-нибудь хотя бы словом обмолвится о девушке, о ее неосмотрительном, чреватом самыми трагическими последствиями поступке, наконец, о кознях семьи Чхетиани... Нет, люди толкуют о чем угодно, но только не о событии, которое привело их сегодня сюда, в этот дом. Странно...

Нагибаюсь к сидевшему рядом Бондо, человеку давно живущему в этих краях и потому обязанному знать здешние обычаи, и шепотом спрашиваю его, почему за столом никто не вспоминает о девушке и всем, что связано с ее попыткой покончить с собой. Бондо в ответ шепчет:

— Они очень щепетильные, выдержанные люди. Кето, как я знаю, уже чувствует себя вполне прилично, но здесь ее сейчас не покажут, так принято. А про Чхетиани и подавно не скажут ни слова...

Просидели мы за столом всю ночь напролет. Песни сменялись танцами. Тостам не было конца, но, справедливости ради, надо сказать, что тамада оказался человеком либеральных правил, помногу пить никого не заставлял, воздерживающихся не стыдил. Эти качества, как я потом не раз убеждался, среди сванов общепризнаны, и такой обычай мне пришелся по душе.

Из-за гор появилось солнце, когда люди начали вставать из-за стола. А всезнающий Бондо мне говорит:

— Немного обожди, товарищ Платон, сейчас тебе будет сюрприз...

— Что за сюрприз?

— Большой подарок.

— Подарок? Да за что? И вообще, мне он ни к чему.

— Не горячись. Вот покажут — увидишь. А сейчас больше ничего не скажу...

Хозяева вынесли во двор несколько малых столов, приготовили завтрак. Все горячее, свежее, усаживают опять. Но присели к столам лишь немногие. Остальные столпились посреди двора, стали прощаться.

В это время, смотрю, молодой парень вводит за уздечку в круг красавицу лошадь темно-каштановой масти. Дато Гурчиани приосанился, вышел чуть вперед и

обратился ко мне с речью. Много было сказано в ней прочувствованных, добрых слов о веками утвердившейся дружбе абхазцев и сванов. Названы были по именам некоторые абхазки, вышедшие замуж за местных горцев, и сванки, породнившиеся с абхазцами. А в самом конце речи Дато сказал, что от имени своей ветви многочисленного рода Гурчиани, почти все старшие представители которого здесь присутствовали, в знак сердечной благодарности за спасение с риском для собственной жизни его любимой, но глупой дочурки вручает мне в дар эту лошадь и отныне просит считать себя его старшим сыном...

У грузин и абхазцев преподношение коня издавна считалось символом высокого уважения и дружбы. Лошадь беспокойно переступала с ноги на ногу, не догадываясь о всей торжественности относящегося к ней ритуала. Я погладил ее по голове. Потом, поблагодарив за столь щедрый подарок, сказал, что, хотя не считаю себя его заслуживающим, так как спасение человека — естественный долг каждого, добавил, что принимаю лошадь, но все же прошу считаться с тем, что живу в городе, в самом центре Сухуми, содержать там ее и ухаживать за ней не смогу и поэтому от всей души передаю этот ценный дар моей новой младшей сестре — Кето. Я пожелал ей здоровья, счастливой жизни и прибавил, чтобы, когда станет выходить замуж, при отъезде в дом жениха сидела на этой лошади. Затем подзвал Пашу и передал ему в руки уздечку.

Все захолопали в ладоши, как бы выражая одобрение моему решению. Мы обнялись и расцеловались с хозяевами и многими гостями, сели на своих лошадок и покинули этот гостеприимный, ставший для меня таким дорогим и памятным дом.

В последующие годы, перед войной, да и потом, мне довелось не раз навещать семью Гурчиани. Могу добавить, что в дальнейшем Кето, по-видимому, убедившись в искренности чувств к ней со стороны сверстника из рода Чхетиани и не желая подвергать испытанию отношения между двумя фамилиями, вышла за него замуж.

ХИ. К. Н. ШЕРОЗИЯ * НАЛЕТЫ ВОЗДУШНЫХ ПИРАТОВ * ГОРЕ РОТОМИ ЦИНДЕЛИАНИ

Приехал однажды в Чхалту знакомый мне по многим совещаниям в Тбилиси второй секретарь ЦК Компартии (большевиков) Грузии Калистрат Несторович Шерозия. Почти с самого начала грозной обстановки, создавшейся в районе перевалов, будучи уполномоченным Военного совета Закавказского фронта, К. Н. Шерозия часто посещал места военных действий. Рассказывали, что при этом он проявлял недюжинную отвагу и мужество, пренебрегал опасностью. В обращении с окружающими был прост и доступен, доброжелателен, повсюду находил пути к сердцам воинов. Особенно большую партийно-политическую работу он вел в незадолго до того созданных национальных воинских формированиях, многие из которых впоследствии покрыли себя вечной славой в боях с гитлеровцами.

Образ походной жизни Шерозия отличался спартанской неприхотливостью. О еде он часто попросту забывал, и товарищам приходилось не только напоминать ему по этому поводу, но даже порой заставлять поесть. В один из сентябрьских дней, направляясь в горы, Калистрат Несторович обратился ко мне:

— Вот получил письмо от жены, пишет, что почтой отправила посылку с вещами и продуктами. Время теперь такое, что посылка долго идет, и, наверно, часть продуктов успела испортиться. Если посылка все же придет, пожалуйста, вскройте ее, испорченные продукты выбросьте, остальное, может быть, нас подождет, а то, если случится оказия, отправьте нам на Марух.

Через несколько дней посылка действительно пришла, как и предвидел адресат, частично испорченной. Кроме небольшого количества продуктов, в ней были плащ и пара теплого белья. Я заново переупаковал ее содержимое и поручил одному из наших милиционеров доставить Шерозия. По возвращении милиционер рассказал, что Калистрат Несторович заболел, очень плохо себя чувствует. По пути в горы Шерозия и его спутников настиг холодный проливной дождь, и он, вообще не отличавшийся крепким здоровьем, простудился. Спустя два дня самолетом его отправили в Тбилиси, но болезнь так и не выпустила этого замечательного

человека из своих когтей, очень рано, в расцвете сил сведа его в могилу. Бывая по делам в столице Грузии после войны, я с особым чувством наведывался на улицу, носящую имя Шерозия.

Читателям не следует заблуждаться, думая, что в селеньях и на дорогах, примыкающих к местам боев, в окрестных лесах все было спокойно. Ведь наши люди имели дело с врагом, достаточно изощренным в подлости и коварстве. Поэтому все мы стремились довести до сердца и ума каждого горца необходимость всегда быть в состоянии мобилизационной готовности, проявлять предельную зоркость к проискам вражеских диверсантов.

На земле чинимые гитлеровцами попытки диверсий и провокаций неизменно терпели полный провал. Но воздушное пространство над нами, в основном на большой, недосягаемой для зенитных снарядов высоте, пока еще оставалось для них относительно безопасным. И вражеские налетчики, взлетая с ближних аэродромов на той стороне хребта, хотя, как уже отмечалось, без особого для нас ущерба, пытались использовать это обстоятельство, сбрасывали бомбы, а иногда и листовки, отравленные ядом фашистской пропаганды, нацеленные на подрыв дружбы народов нашей страны.

Мы, со своей стороны, старались всемерно обезвредить налеты гитлеровской авиации. Применяя лесоматериалы, заготавливаемые горцами, дислоцированные в горах воинские части научились хорошо защищать себя от нападений с воздуха при помощи всякого рода естественных и искусственных укрытий. А для обмана гитлеровских летчиков бойцами специально разводились в отдаленных местах долго чадающие костры, выкладывались из подручных средств подобия казарм и всяких других строений.

Помню, над Чхалтой высоко в небе появились два вражеских самолета. Один сразу завернул в сторону селенья Лата, а другой стал делать круги над ложной «казармой» за пределами села, побросал на нее бомбы небольшого калибра и убрался восвояси. Дезориентация противника полностью удалась.

Но все же бывали вражеские рейды и посерьезнее. Однажды, подъезжая к Ажарскому сельисполкому, слышу характерный нарастающий гул, свидетельствующий о приближении самолетов противника. Вскоре

очень высоко в ясном небе показались три стервятника. Один из них взял направление на Клухор, другой устремился в сторону Латы, а третий, чем-то привлеченный к нам, закружил, как мне показалось, прямо над сельской площадью. Я отпустил лошадь на волю, а сам укрылся в ближнем рву. И вовремя! После надсадного визга раздался грохот взрыва, происшедшего примерно в двух-трех десятках метров. Вздрогнула земля. Вокруг попадали осколки. Вторая бомба, сброшенная с этого же самолета, угодила где-то в район Хецкуары, третья упала еще дальше.

Обычно такие самолеты сбрасывали по четыре бомбы, но на сей раз четвертую летчик, видимо, решил приберечь для какой-то другой цели. Так оно и вышло. Уже позже я узнал, что эта, четвертая, была сброшена на территорию нашего молодого индустриального города Ткварчели. Наверно, пилот метил в генздание ГРЭС, но бомба попала в окружающую его каменную ограду, немного повредив ее, и, не вызвав жертв, произвела впечатление на посетителей находившегося тогда поблизости квезанского рынка. Она оказалась единственной, первой и последней бомбой, которую гитлеровцам удалось сбросить на Ткварчели.

Между тем, поскольку при падении в ров одежда моя здорово загрязнилась, я окликнул лошадь и поехал к протекавшей невдалеке Хецкуаре. Уже у самого берега услышал громкие крики и ругательства. По голосу узнал Ротоми Цинделиани, хозяйство которого находилось как раз в этом месте, а вскоре увидел и его самого, пожилого, длинноусого, простирающего кулаки к небу.

— Ух, собака Гитлер!.. — кричал Цинделиани. — Дорого ты заплатишь!..

— Что тебе сделал Гитлер? — спрашиваю.

— Ты еще смеешься! Взгляни, что натворила его бомба. Его, проклятого, надо задушить вот так! — И крестьянин показал, что бы он стал делать с фюрером, попадись тот в его руки.

Я осмотрелся и тотчас понял чувства, бушевавшие крестьянина. Стало досадно на себя за нечаянно сорвавшийся с языка бестактный вопрос.

Бомба попала в самый центр усадьбы Цинделиани. Рядом с воронкой еще шевелилась израненная осколками корова. В окнах деревянного домика не осталось

ни одного целого стекла. Часть изгороди была снесена и отброшена взрывом.

— Где я теперь раздобуду стекло?.. И корову жалко, совсем недавно купил... — продолжал жаловаться крестьянин. Делать было нечего. Я посоветовал ему быстрее прирезать и освежевать корову и пообещал помочь со стеклом.

— Товарищ Платон, с мясозаготовками за этот год я рассчитался, — подумав, сказал Цинделиани. — А раз вышло такое дело, нельзя ли сейчас сдать мясо в счет будущего года?

— Верно поступишь, дорогой товарищ! Ведь вашей семье со всем мясом сразу никак не управиться, да и холодов еще настоящих нет. Действуй, дружище, будет очень кстати...

В самом деле, из-за трудностей в доставке фронту продовольствия положение с питанием бойцов на отдельных участках высокогорья порой становилось чрезвычайно острым. Особенно не хватало мяса. Уже сразу после прибытия в здешние места мне, да и другим нашим товарищам, пришлось основательно заняться этой проблемой, ездить по селеньям и отдаленным хуторам по вопросам заготовок. Скота у местных колхозников было немало, но с организацией закупок во многих местах дело обстояло неблагоприятно. Скажем, хозяйству надо было сдавать 20—30 килограммов мяса, на заготпунктах же скот принимали только живым весом, стало быть, сдатчикам следовало группироваться для того, чтобы 10—15 хозяйств вместе могли сдать, например, одну корову, а местные условия — отдаленность расселения прежде всего — это затрудняли.

Надо было продуманно и энергично преодолеть трудности. И это удалось сделать. При выезде в Лату с помощью инициативного, толкового руководителя здешнего колхоза Ефрема Дарсания за один только день заготовители приняли больше 50 голов разного скота. Одновременно по собственному почину колхозники привозили для фронтовиков другие продукты, кипы табака, теплые вещи.

За сравнительно короткие сроки благодаря мерам, принятым командованием армии, партийными и советскими органами, снабжение воинских частей продовольствием, в том числе мясом, заметно улучшилось. Почти всюду обеспечивалось создание запаса продуктов, по крайней мере, на несколько недель.

ХІІІ. ВАСО ГУРЧИАНИ УХОДИТ В ЛЕС * КОМАНДАРМ И ПЕРВЫЙ СЕКРЕТАРЬ ОБКОМА ПАРТИИ РЕШАЮТ СУДЬБУ МОЛОДОГО ГОРЦА

Бывавшие здесь представители Центрального и Абхазского комитетов КП(б) Грузии, Советов Народных Комиссаров Грузии и Абхазии, армейского командного и политического состава постоянно интересовались вопросами деятельности тыла, условиями жизни местного населения, в пределах возможного проявляли отзывчивость к его нуждам, старались учитывать здешние традиции во всей организаторской и идейно-воспитательной работе, всячески крепили взаимопонимание и взаимную поддержку между горцами и воинами-защитниками перевалов.

Характерен, на мой взгляд, один интересный эпизод, участником которого довелось стать и мне. Поначалу кажущийся малозначительным, он впоследствии получил огласку в сванских селеньях и способствовал укреплению доверия горцев к органам власти.

Как-то нам сообщили, что, несмотря на вызов в милицию, в лесу скрывается молодой горец, подозреваемый в убийстве. Наведя справки, я уточнил, что этот человек — близкий родственник Нины, моей квартирной хозяйки. В тот же день к нам зашел ее отец, Ахмат, сумевший убедить меня в том, что подозрения в отношении его племянника совершенно беспочвенны, к убийству он не имел и не мог иметь никакого касательства, но опасается несправедливости и потому ушел в лес.

— Васо разумный, скромный и смирный парень. Кто-то возвел на него злую напраслину. Его надо выручить, а то пропадет, бог весть кем станет...

Думали мы с Ахматом, думали, но так и не смогли сообразить, как помочь Васо.

Спустя несколько дней поздно вечером в Чхалту прибыли К. Н. Леселидзе, В. М. Бакрадзе с сыном Гиви, молоденьким младшим лейтенантом, и М. И. Барамия. Неожиданно заявился Ахмат Гурчиани, которого охрана хорошо знала в лицо.

Я отошел с ним в сторонку и услышал просьбу переговорить с кем посчитаю удобным о Васо. Я согласился. Ахмат ушел к Нине.

После ужина я обратился к Михаилу Ивановичу Барамия, рассказал ему о происшествии с молодым

сваном, попросил разрешения привести парня к нему.

— А может, он в самом деле преступник? — Барамия помолчал и стал смотреть в сторону. — Сам-то его не знаешь...

Я уже был не рад, что заговорил с ним. И тут услышал голос Константина Николаевича, заинтересовавшегося нашей беседой:

— А что собой представляет этот беглец? Он молодой?

— Совсем молодой, — отвечаю. — Честью своей готов поручиться за его невиновность.

— Ну, думаю так, товарищи, если он молод и Платон Семенович в нем не сомневается, давайте разберемся. Сейчас время такое, что, пока дело выяснят до конца, парень, неровен час, не выдержит, да и сдать добровольно он навряд ли захочет...

Михаил Иванович поднял на меня подернутые красными прожилками глаза и глуховато сказал:

— Завтра утром мы едем на Клухорский перевал. Наверно, вернемся поздно, может быть, ночью, и снова заедем к вам. Постарайтесь его найти и привести сюда, мы с ним объяснимся.

Валериан Минаевич молча слушал наш разговор, не выразив ни пророчания, ни одобрения.

Гости расположились на отдых, а я и Бондо поделились с Ахматом содержанием беседы по поводу Васо. Возник вопрос: как передать ему весточку? Все пути перекрыты милицейскими постами, воинскими патрулями, дозорными из истребительных батальонов. Парня запросто арестуют при выходе из леса. Судили, рядили и, наконец, пришли к заключению, что Ахмату самому надлежит найти способ дать знать Васо обо всем, забрать его к себе домой, благо — живет почти в лесу, а уже оттуда мы с Бондо проведем его к нам. С нами молодого горца не тронут.

Утром гости верхами направились на Клухор. День мой, как обычно, был заполнен нескончаемыми хлопотами. А к вечеру мы с Бондо сели на лошадей и поехали в горы, где в восьми километрах от Чхалты стоял дом Ахмата Гурчиани. Здесь застали немало озабоченных людей из его родни, а среди них и Васо, которого я действительно увидел впервые. На красивом лице молодого свана ни кровинки, волосы спутаны, верхняя одежда местами порвана, по-видимому, из-за близкого

знакомства с лесными колючками. Нас начали уговаривать насчет ужина, но надо было торопиться в обратный путь.

Мы вышли из дому вместе с Васо. Лошади шли быстро, и менее чем через полчаса мы прибыли домой, где застали Нину, заканчивавшую приготовления к встрече гостей.

Порядком уставшие, гости добрались до Чхалты глубокой ночью. Генерал сразу стал названивать в штаб, отдавая распоряжения о максимальной загрузке летавших к нам самолетов боеприпасами, увеличении количества воздушных рейсов и вывозе тяжелораненых. Затем, переговорив с командирами некоторых частей, возвратился к столу и спросил у меня, что делается для усиления помощи местного населения фронту. Я рассказал о дополнительно созданных специальных бригадах проводников и погонщиков, об участии горцев в дорожном строительстве, ходе заготовок мяса и других продуктов, о сборе средств в Фонд обороны, подарков фронтовикам, о многих других мероприятиях.

Время было позднее. Ужин не затянулся. Когда стали вставать из-за стола, вновь подхожу к М. И. Барамия и говорю:

— Молодой человек, о котором вчера был уговор, здесь, на кухне. Думаю, сейчас не время с ним беседовать, вам надо отдохнуть. Может быть, перенесем разговор с ним на утро?

Барамия не возражал. В кухне положили на пол для нас с Васо медвежью шкуру, и мы, не раздеваясь, улеглись на ней рядом.

Только солнце появилось из-за гор, мы увидели гостей на веранде. Я счел момент удобным и подвел к ним Васо.

— Так это тот самый бандит, о котором нам говорили? — полушутя, но без улыбки спросил Леселидзе.

— Я не бандит, батоно... — едва пробормотал парень.

— Если так, то что же тебе делать в лесу? Не стыдно скрываться от людей? Если знаешь, что не виноват, — никого бояться не надо.

— Плохого за мной ничего нет, а милиция почему-то не дает покоя...

Подошел Барамия, стал задавать свои вопросы: — Женат?

И мне пришлось услышать, что тот, кого я считал молодым парнем, оказался главой семьи. Барамия продолжал спрашивать:

— Дети есть?

— Мальчик и маленькая девочка...

— Отец, мать?

— Все живы, вместе живем.

— Мы поручим кому следует заново проверить все обстоятельства. И, если чувствуешь себя правым, смело иди домой, отдохни, а завтра приходи сюда, в штаб, станешь нам помогать. И не вздумай больше хорониться в лесу.

— Простите, а как я пойду домой? На первом же посту меня возьмут...

Барамия предложил мне дать Васо записку, своего рода охранную грамоту, о том, что он был у нас и отпущен на поруки, чтобы его не трогали. Я тотчас же написал требуемую записку и отдал молодому крестьянину.

Несколько опережая ход событий, скажу, что, действительно, последующее следствие полностью подтвердило неосновательность выдвинутых против Васо обвинений.

На другой день Васо приехал верхом в штаб. В дальнейшем он стал одним из самых деятельных участников содействия горцев защитникам перевалов, не раз отправлялся в горы в качестве проводника наших разведчиков, перебрасывал к боевым позициям оружие, боеприпасы и продовольствие. В настоящее время Васо Гурчиани проживает в селе Адзюбжа Очамчирского района. Он отец двенадцати детей — поровну мужского и женского пола. Большинство из них получило высшее образование. Часть младшего поколения трудится в сельском хозяйстве.

В этом случае мне видится выражение одной из определяющих черт нашего общества — благотворного морально-психологического воздействия на судьбы людей. Ну, что такое отдельно взятая судьба молодого горца в сравнении с участью множества людей в суровых условиях войны! Но ведь из таких отдельных человеческих судеб складывается сила всего общества, и ему не безразлична каждая из них. Я не первый раз мог убедиться в том, что наши руководители это хорошо понимают. Возглавляя героическую борьбу многих

тысяч людей на одном из труднейших участков фронта командарм и первый секретарь обкома партии нашли возможность для того, чтобы, несмотря на не до конца ясные обстоятельства, разобраться в судьбе молодого горца, мотивах его поведения и, почувствовав и осознав его правоту, позаботились о том, чтобы восстановить справедливость, направить его энергию на пользу общенародному делу.

XIV. ГИТЛЕРОВЦЕВ ВЫНУЖДАЮТ К ОБОРОНЕ * ПОЕЗДКА В ПТЫШ * ВЕЧЕР У ДАВИДА ИВЕЧИАНИ * ДЕЯТЕЛИ КУЛЬТУРЫ — ГОСТИ ФРОНТОВИКОВ

Сентябрь начался ожесточенными боями в районах перевалов, все более успешными действиями наших войск, опирающихся на теперь уже тщательно и продуманно подготовленную, глубоко эшелонированную систему обороны. Оснащенные эффективным новым вооружением опорные узлы и пункты, минные поля на путях возможного продвижения врага, оптические прицелы снайперских винтовок подстерегали гитлеровцев всюду, куда они пытались сунуть нос.

Ценой очень крупных потерь одному из вражеских подразделений удалось еще в конце августа прорваться от Санчарского перевала к вершине горы Хипста, расположенной по прямой в двадцати пяти километрах от Гудауты, а также занять горное селенье Псху. Эти судорожные рывки по существу явились началом агонии стратегических замыслов гитлеровского командования на Западном Кавказе.

Хипста была быстро взята в кольцо советскими воинами и отбита у зарвавшегося противника, а в Псху фашисты похозяйничали около десяти дней, пока под мощным давлением наших частей вынуждены были начать отступление от Бзыбского хребта до самого Санчаро. Враг переходил к обороне и на других направлениях.

Таким образом, уже первая декада сентября внесла заметные изменения в ход военных действий. Разумеется, преуменьшать опасность, нависшую над Кавказом, было нельзя, но события на фронте все более убеждали

в правильности оценки обстановки и характера ее изменений, данной советским командованием. В нарастающей степени стали сказываться такие факторы, как улучшение координации в руководстве боевыми действиями наших частей и подразделений, укрепление командных кадров и совершенствование партийно-политической работы среди воинов, наведение порядка в обеспечении нужд фронта всем необходимым.

И было отрадно сознавать, что в этом, последнем, все больше проявлялись усилия трудящихся Грузии, Абхазии, в том числе людей нашего высокогорья.

Вопросы, касающиеся участия местного населения в помощи фронту, заданные мне командующим армией во время нашей беседы в домике Кавтарадзе, заставили основательно задуматься. Ведь они были заданы, конечно, неспроста, им предшествовала поездка Леселидзе и его товарищей на один из самых важных участков горного фронта. Скорее всего, там были сделаны какие-то определенные наблюдения и выводы... В самом деле, размышляя я, все ли мы предпринимаем для максимальной мобилизации местных ресурсов и возможностей в помощь фронту? Что еще надо и можно сделать для улучшения нашей работы с горцами?

Пришло решение прежде всего посоветоваться по этому поводу непосредственно с нашим, уже окрепшим, активом. При этом, как я полагал, вовсе не обязательно собрать в одном месте сотни людей, а лучше всего побывать в отдельных селеньях, изучить там конкретные условия, поговорить с людьми, что называется, по душам.

К тому времени актив наш намного вырос. Он пополнился прибывавшими группами и в одиночку добровольно вызвавшимися помогать бойцам в горах сельскими жителями из разных районов автономной республики.

Помню, после упаковки в штабе тыла очередной партии грузов с продовольствием для фронта проводниками и погонщиками каравана из двух с лишним десятков лошадей, груженных тяжелыми вьюками, пошли хорошо знавшие дороги в горах добровольцы из Очамчирского района. Это были, в основном, пожилые колхозники. Вот имена тех, кого запомнил: Таиа, Нестор и Михаил Квициния, Петр Адлейба, Георгий Джалагония, Баджга Эшба, Михаил Бургашвили, Нури и Ча-

гу Киут, Джарнас Какоба, Григорий Гогохия, Папа Аршба, Акакий Ахалая, Хута Нармания, Михаил Аргун...

Караван ушел, и гужевого транспорта в штабе тогда не осталось. А как раз в это время самолеты подбросили из сухумского аэропорта новый груз — пулеметы, снаряды, патроны. Мы не могли, не имели права медлить с их доставкой на боевые позиции. Что делать? Попросил оказавшегося в штабе работника военного трибунала Алексея Шария вместе со мной срочно выехать в расположенное невдалеке от Марухского перевала прифронтовое селение Птыш, где, по нашим данным, можно было дополнительно мобилизовать лошадей.

В Птыше находилось более шестидесяти сванских хозяйств. По приезде пригласили крестьян в сельскую школу, откровенно рассказали, зачем к ним прибыли, попросив выделить двадцать лошадей для немедленной доставки оружия и боеприпасов на Марух.

— Бои, как вы знаете, идут в ваших горах, почти рядом с вами. Воины Красной Армии защищают вас, не жалея жизни, не пускают гитлеровцев дальше, не дают им пройти в ваше село. Кто, как не вы, в этот трудный час должны отозваться прежде всего и придти им на помощь?

Пожилые люди в светлых войлочных шляпах и круглых шапочках вставали один за другим, заявляя о своем желании сопровождать грузы для фронта. Тут же составили список хозяйств, выделяющих погонщиков и лошадей, и избрали бригадиром односельчанина — коммуниста Александра Цалани. Я знал, что сын его, Михаил, ранее работавший здесь сельским учителем, в самом начале войны добровольно вступил в армию, довоевался до звания майора и теперь командовал батальоном на одном из фронтов где-то на севере.

В заключение Цалани обратился к собравшимся колхозникам с проникновенной, взволнованной речью.

— Вместе с нашими воинами мы защищаем родной край, — сказал он. — Когда я встречаю их, мне всегда кажется, что среди них и мой Миша. Хотя почти все мы в годах — наша молодежь сражается против фашистов с оружием в руках, — сделаем для фронта все, что нам под силу...

Условились, что завтра, прямо с утра, двадцать

птыщев на лошадях явятся в чхалтинский штаб.

Вечер вступил в свои права, когда мы с Алексеем, попросившись с крестьянами, собрались было в обратный путь. Но потом нас стали одолевать сомнения. Нам предстояло добираться домой по незнакомой тропе, среди леса и скал, преодолеть в темноте не меньше десяти километров. Фронт совсем близок, мало ли на кого можно нарваться... Совесть не позволяла просить кого-нибудь из этих славных людей нас проводить. Поразмыслив, я решил обратиться к одному из них, хорошо мне знакомому и не раз помогавшему нам колхознику Давиду Ивечиани, у которого около года назад, когда в горах еще было спокойно, мне как-то довелось переночевать, с просьбой принять нас с Шария на ночлег.

— Какой может быть разговор?! — воскликнул Давид, обняв меня. — Для вас и ваших товарищей у меня всегда открыта дверь.

Мы отдали ему своих лошадей и сказали, что немного задержимся. Еще раньше пришла в голову мысль, что было бы совсем неплохо переговорить с сельскими комсомольцами-подростками, а их здесь насчитывалось более пятидесяти. Что смогут делать ребята? Да то же, что и взрослые, желания, энергии и сил им не занимать. Я вспомнил о военном поколении рабочего класса на наших предприятиях и подумал, как же много мы здесь упустили, что до сих пор по сути дела забывали о работе с горской молодежью, мало привлекали ее к святому делу помощи фронту. Ведь это уже не малые дети. Запала мысль завтра же договориться обо всем с райкомами партии и комсомола, а пока что вызвать на душевный разговор комсомольцев Птыша.

Скажу прямо: он у нас получился. Договорились об организации молодежной бригады, которая станет заниматься самыми различными делами — и сбором подарков воинам, и культурно-массовыми мероприятиями, и помощью старшим в заготовках и транспортировке продуктов, и обучением военному делу — в этом было запрошено наше содействие. В общем, с комсомольцами обо всем столковались и, под свежим впечатлением хороших встреч со старыми и молодыми птыщами, направились к дому Давида.

Ивечиани жил, можно сказать, зажиточно. В этом нетрудно было убедиться, увидев в большом подворье, вокруг ладного двухэтажного деревянного дома, нема-

ленькое стадо. Хозяйка заканчивала доить коров и коз. Несколько телят, задрав хвостики, бегали по двору. Шария, которому раньше почти не приходилось бывать у сванов, живущих в горных лесах, прямо-таки поразился открывшейся перед нашим взором картиной такого достатка.

— А чему, собственно, вы удивляетесь? — спросил я его. — Жить в горах, среди леса, в стороне от населенных пунктов (Птыш больше напоминал не обычное селенье, а разбросанные в лесных зарослях хутора), и не иметь скота просто невозможно. Скот, пожалуй, здесь единственное богатство.

Давид вместе с другими односельчанами вызвался быть проводником и погонщиком. Вместе с ним уже с утра мы были в Чхалте, откуда, быстро загрузив птышских коней, сразу выступили на Марух. Направляясь к нам, Ивечиани захватил с собой и пригнал на заготпункт двух коз и бычка.

В то же утро из Сухуми сразу прилетели два самолета. На этот раз их ожидали представители воинских частей, и интендант тут же стал раздавать по разнарядке привезенное обмундирование, коробки с иголками и нитками, многое другое и в заключение вручил по нескольку утюгов. Я наивно осведомился: к чему, мол, фронтовикам утюги?

— Очень даже странно, товарищ уполномоченный, что вам это непонятно, — заметил офицер. — Горячий утюг — вернейшее средство защиты от насекомых.

Мне, конечно, стало неловко. Как я мог так обмисуриться... Все делалось расчетливо и целенаправленно. Вот и с этими утюгами тоже. Насколько мне известно, за все время битвы в горах в наших частях не было отмечено ни одного случая тифа.

Но утюги — что! На фронт организовано, нарастающим потоком шли боеприпасы и оружие, продовольствие и одежда, медикаменты и самые различные предметы бытового назначения. А кроме снабжения материального, участилось и стало стабильным подкрепление, так сказать, духовное.

В наши села и на боевые позиции стали регулярно приезжать профессиональные и самодеятельные артисты, писатели, лекторы. В частях и среди местного населения с их помощью велась разносторонняя культурно-массовая, агитационная и пропагандистская работа.

Для выездных спектаклей, выступлений хоровых и танцевальных коллективов в центре Чхалты соорудили из досок и бревен специальный помост.

К большому удовольствию воинов и колхозников нас посетили артисты цирка. Они с большим старанием исполняли свои номера и потом побывали непосредственно в ряде частей у их боевых позиций. С огромным успехом выступал ансамбль песни и пляски пограничных войск.

Среди желанных визитеров были, помнится, мастер художественного слова Сурен Кочарян, знаменитый силач Кахетелидзе, известные литераторы — братья Тур. Живые и остроумные выступления братьев, в едкой сатирической форме высмеивавшие бесноватого фюрера и его воинство, неизменно встречались бурным одобрением слушателей. Братьям-сатирикам выдали пропуска для посещения передовых позиций, где им очень хотелось побывать. Пешком, в сопровождении проводника, они направились к Марухскому перевалу.

Шла война... Люди, только что с риском для жизни участвовавшие в бою, горячо, что есть силы аплодировали полюбившимся артистам, печалились и радовались, жили единой непреклонной, неугасимой верой в победу.

ХV. ЯРОСТЬ И БЕССИЛИЕ ВРАГА * ПЕРВЫЕ ПЛЕННЫЕ * АХМЕД ДАРМИЛОВ ЗАХВАТЫВАЕТ «ЯЗЫКА» * ДЕЙСТВУЮТ ИСТРЕБИТЕЛЬНЫЕ БАТАЛЬОНЫ

Как ни неистовствовали гитлеровцы, им уже не было дано переломить в свою пользу ход военных действий в горах. Предприняв еще один, последний рывок от Клухора в сторону Белой будки, они тут же были с большими потерями отогнаны назад. Это был нелегкий бой, в котором наши воины показали высокую самоотверженность, и жертв с нашей стороны также было немало. Я знал погибших в этом сражении бойцов из Очамчирского района — Виктора Нармания, Арсена Геджуа, Баграта Амичба, Валерия Вардания. Доблестные сыны Абхазии, они честно выполнили свой долг перед Родиной.

Помимо крупных потерь убитыми и ранеными, гитлеровцы недосчитались в этом бою и большого числа солдат и офицеров, захваченных в плен. Кстати, случаи захвата немцев и их добровольной сдачи в плен участились. Мне однажды впервые довелось присутствовать при допросе двух пленных офицеров.

Их, не помню уж почему, доставили в наш штаб-тыла. Они были настолько истощены от голода, что еле держались на ногах, дрожали в своем легком обмундировании. Ведь гитлеровское командование уповало на скорую победу в горах Кавказа, рассчитывая добиться ее еще летом, и не очень пеклось о теплой одежде для своих «эдельвейсов».

Переводчиком у нас был тогда журналист, позднее работник редакции газеты «Сабчота Абхазети» Доментий Кобалия. Как оказалось, один из пленных довольно сносно владел русским языком.

Привожу по сохранившейся у меня записи дословно некоторые вопросы и ответы при допросе пленных.

Вопрос:

— Вы напали на нашу страну... Что вам надо в Советском Союзе, на нашем Кавказе?

Ответ:

— Не знаем. Гитлер сказал: Кавказ хорош, Баку, Тифлис хорош, Сухум, море хорош, хорош...

Вопрос:

— Почему вы сдались в плен?

Ответ:

— Мы хотим жить. Мы узнали: пленных у вас не убивают. В горах голодали, траву кушали. Война нехорош. Мы хотим домой. У меня жена, девочка, мальчик. Я шил костюм и жена тоже. Теперь не знаю, где они. Мой товарищ тоже такой. Война плохая, совсем, нехорош...

Пленных накормили и на другой день отправили под конвоем в Сухуми.

Да, это были уже не те спесивые и самонадеянные вояки, которые вероломно начинали свою истребительную и грабительскую войну против нашего народа. Конечно, до капитуляции фашистской Германии тогда было еще очень далеко. К осени 1942 года захватчики особенно глубоко проникли в пределы Советской страны, дошли и до Сталинграда, забрались на перевалы Главного Кавказского хребта. Но в сознании многих солдат

и офицеров противника уже с первых месяцев войны на нашей земле появились трещинки, и разрастались, углублялись они чем дальше, тем больше. Былая наглость и самоуверенность все более уступали место настроениям растерянности и обреченности. Допрос немецких офицеров, сдавших в плен в бою у Белой будки, показал это со всей наглядностью.

Припоминается и другой, чуть более поздний случай, подтвердивший эти наблюдения.

После завершения строительства аэродрома в верхней зоне Генцивиша самолеты стали летать туда регулярно, по нескольку раз в день, доставляя оружие, боеприпасы и провиант и увозя раненых в боях на Клухорском перевале. Невдалеке от аэродрома, у самого подножья горы Хутия, силами воинов и местных колхозников был выравнен каменистый грунт и сооружена большая землянка, где перед прибытием очередного самолета и выступлением с грузами к боевым позициям ночевали погонщики, располагались на отдых сменявшиеся милицейские постовые.

И аэродром и наша землянка были сравнительно быстро обнаружены вражеской разведкой, не раз предпринимавшей безуспешные попытки их разрушить с воздуха, а то и захватить наземным рейдом. Однажды фашистскому подразделению удалось незаметно подойти к восточному склону горы и даже забросить своих разведчиков на ее западный склон, что представляло для нас непосредственную опасность. Проникшие сюда немцы были случайно замечены пастухом, который сразу дал знать об этом нашему милицейскому посту.

В этот момент я находился там, снаряжая в поход очередной караван. Опросив пастуха, посоветовались и решили послать вперед для ликвидации гитлеровских лазутчиков двоих бывалых, обстрелянных бойцов из охраны аэродрома во главе с вызвавшимся идти вместе с ними работником сухумской районной милиции Ахмедом Дармиловым.

Ахмед, абазин из Северного Кавказа, давно служил в Абхазии и выделялся своим богатырским видом. Он хорошо изъяснялся по-абхазски и по-русски. Его у нас называли Ахмедом Абазой.

В горах стояла уже глубокая осень с листопадом, ночными заморозками, частыми нудными дождями. Путь храбрецам предстоял нелегкий. Им было необхо-

димо, во многих местах ползком, преодолеть до предполагаемого местонахождения диверсантов не менее трех километров по скользким скальным уступам, почти достичь границы зоны альпийских лугов. О том, что произошло после исчезновения группы Дармилова в густых зарослях рододендрона, могу судить по его рассказу, который потом мне пришлось выслушать.

На крутом подъеме, за которым кончался пояс пихтового леса, вдруг откуда-то сверху прогремел выстрел, и боец, шедший впереди, рухнул и скатился вниз по обрыву. Ахмед и второй боец произвели несколько ответных выстрелов. В завязавшейся перестрелке им удалось спуститься к упавшему товарищу, как оказалось, раненному в плечо. Договорились, что второй боец постарается провести раненого к нашей базе, а Дармилов до его возвращения с пополнением останется здесь для наблюдения за противником.

Ахмеду показалось, что стрелявший в них человек где-то неподалеку сидит на дереве. Он не ошибся. Определив по звуку нового выстрела нужное направление, скрытно подполз к дереву и дождался, пока ветки дрогнули и враг высунул голову. Одного меткого выстрела оказалось достаточно, чтобы немец замертво упал с дерева.

Ахмед снял с гитлеровца автомат, прихватил с собой патроны к нему и собрался было двинуться в обратный путь, как к нему подошли несколько бойцов с нашей базы. Тогда он принял решение тщательно прочесать местность, чтобы убедиться в полной безопасности путей доставки грузов к фронтовым позициям, тем более, что пастух говорил не об одном, а о двух замеченных им немцах.

И не напрасно. Почти сразу наткнулись в лесу на второго гитлеровца. Но этот вовсе не стал стрелять, а бросив на землю автомат, с готовностью поднял вверх руки и крикнул: «Гитлер капут!». Подобрал и его автомат, Дармилов с бойцами доставил пленного в нашу землянку. Тот немного понимал по-русски. С помощью переводчика его первый допрос был запротоколирован.

— Почему вы не стреляли? — спросили мы захваченного солдата.

— Я был один, а вас много, — простодушно ответил он. — Решил сдаться, чтобы сохранить себе жизнь.

— Кем был убитый?

— Такой же солдат, как я. Нас послали разведать ваши коммуникации, но продуктов с собой дали мало. Больше двух суток мы провели в лесу, очень хотелось есть, было холодно. Стали промышлять дичь, надеясь напасть на след кабана или медведя. А в это время увидели вас. Отто стал стрелять, а я сразу решил сдаться в плен...

— Что вам было нужно в этой войне?

— Я ничего не хотел и не хочу. Мы с женой учителя. Жили недалеко от Берлина, работали в одной школе, за детьми присматривала моя мать. Но Гитлер погнал меня, как и миллионы других немцев, которым не было никакого дела до его безумных затей, на фронт. Я войны не хотел, и таких, как я, в Германии очень много...

Немец говорил и одновременно плакал навзрыд, как ребенок.

Не прошло и десяти дней, как Ахмеду Дармилову за проявленное мужество в торжественной обстановке был вручен орден Красной Звезды.

Наши воины с воодушевлением восприняли ставшие широко известными слова, сказанные командующим 46-й армией на одном из штабных оперативных совещаний о том, что надо научиться повсюду держать врага в постоянном страхе, боязни попасть в ловушку, надо использовать малейшую возможность для нанесения ему урона в живой силе и технике, обескровить его.

Наступательный порыв в частях и подразделениях у перевалов исподволь вызревал на наших глазах. Из уст в уста передавались рассказы о несокрушимой стойкости курсантов сухумского военного училища, подразделением которых командовал молодой офицер Шалва Адамия, о героической гибели в бою за одну из высот под Клухорским перевалом взвода Владимира Лордкипанидзе, о многих других, ставших легендарными, подвигах советских патриотов.

Вместе с воинами Красной Армии защищали подступы к перевалам бойцы истребительных батальонов, укомплектованных трудящимися городов и районов автономной республики. Они обезвредили немало вражеских диверсантов, благодаря чему тылы наших войск, сражавшихся в горах, ни разу не подверглись серьезной опасности. Командиры и комиссары истребитель-

ных батальонов действовали в теснейшем контакте с командованием армии и ее частей, с местными партийными и советскими органами.

В чхалтинском штабе тыла раздался телефонный звонок. Председатель Ажарского сельисполкома пригласил меня, как он выразился, на маленькое оперативное совещание как представителя обкома партии, добавив, что со мной желают повидаться двое знакомых. Вслед за тем в трубке слышу голос другого человека, очень знакомый, но сразу не могу разобрать, кому он принадлежит.

В конце концов понял, что со мной разговаривал мой старый приятель и земляк Темур Сангулия, начальник Очамчирского райотдела внутренних дел и одновременно командир районного истребительного батальона. Это был, в полном смысле слова, бесстрашный, волевой человек. На его счету было немало рискованных поимок не только фашистских лазутчиков, но и бандитов и всякого рода других преступников.

Я ответил Темуру, что тотчас же буду в Ажаре. Вскоре мы тепло приветствовали друг друга и, не теряя времени, стали согласовывать действия по поддержанию порядка в нашей зоне. Сангулия коротко проинформировал о действиях своего батальона. В каждом поселке выделили людей для постоянных контактов с истребителями.

Вместе с Темуром тогда приезжал один из руководителей батальона Михаил Аргун. В настоящее время он живет в Ткварчели, поет в хоре абхазских долгожителей «Наргаа». Ему уже под сто, но у него красивый сочный голос, к тому же он еще и танцует.

Встреча с руководителями истребительного батальона вновь показала мне, какая большая и кипучая организаторская и политическая работа ведется партийными организациями республики по объединению усилий фронта и тыла в несокрушимом отпоре врагу.

XVI. ТАЛАНТЫ МОЛОДОГО ЧЕКИСТА С ПАРАДОКСАЛЬНОЙ ФАМИЛИЕЙ * НЕОЖИДАННЫЙ ОБСТРЕЛ * ПОДВИГ ВАЛЕНТИНА НЕСТРЕЛЯЕВА

За месяцы, проведенные в сорок втором году в верховьях Кодора, у меня было много интересных встреч. Одним из навсегда запечатлевшихся в памяти людей стал молодой работник чхалтинского пункта оперативной чекистской группы старший лейтенант Валентин Нестреляев. Не помню сейчас, с чего началось наше знакомство, за короткое время перешедшее в настоящую дружбу.

Это был человек аналитического склада ума, энергичный, обладавший поразительной памятью. А главное — у Валентина было замечательно развито чувство юмора, ему нравилось шутить и острить, как мне казалось, по любому поводу. С ним всегда было весело. Бывало так: хмуримся, грустим, молчим — мало ли для этого оснований тогда давала жизнь! А он вдруг такое отмочит, что плохое настроение разом бесследно улетучивается, присутствующие не могут удержаться от смеха. Вскоре открылось еще одно его дарование.

Собралось нас несколько человек посреди села у сценического помоста, о котором я рассказал. Говорим о последних вестях с фронтов, обсуждаем наметки на завтрашний день. С нами был Нестреляев. Напротив, за рекой, кто-то разглядел на самой макушке далеко стоявшего дерева ворону. Отсюда невооруженному глазу она могла показаться крошечной точкой, не более. Ворон в этих местах, как, впрочем, и во многих других, почему-то недолюбливают. Как бы то ни было, Валентин поглядел в ее сторону и заявил:

— Если не улетит, то, хотя моя фамилия Нестреляев, я вам покажу, как надо уметь стрелять. — И попросил стоявшего рядом милиционера одолжить ему заряженную винтовку. Из-за большого расстояния стрелять из своего пистолета он не рискнул.

Милиционер было заартачился, но все же винтовку дал. Валентин без малейшего промедления, словно не целясь, произвел выстрел. Ворона камнем упала вниз. Мы были изумлены столь необычной меткостью.

Сельские мальчишки потом подобрали птицу, сде-

дали ей челку «под Гитлера» и с соответствующей подписью подвесили к одной из веток клювом вниз...

На следующий день мне предстояла поездка в сторону Клухора. Валентин поехал вместе со мной. В поселке Левый Генцвиш мы остановились у дома одного из бригадиров наших активистов Георгия Гулбани. Почти к самому началу войны в поселке на речке построили небольшую гидростанцию, но пустить ее в ход пока воздерживались из-за строгой светомаскировки. До условной линии фронта от этого селенья оставалось, по нашим подсчетам, десять — двенадцать километров. «Условной» говорю потому, что каждый день в ту пору вносил какие-то изменения в положение воюющих сторон, а топографы не всегда за ними поспевали.

Близ дома Гулбани был загон для скота, поступавшего от окрестных сельских жителей в счет мясозаготовок. Здесь его забивали, мясо варили в специальных котлах (вблизи боевых позиций разводить костры, естественно, не разрешалось) и распределяли по воинским частям, дислоцированным в районе перевала.

Мы с Нестреляевым и присоединившимся к нам Гулбани захватили с собой несколько мешков с вареным мясом и продолжили путь. Георгий Гулбани, широкоплечий, крепкий старик, ехал впереди. Нестреляев, как обычно, был щедр на всевозможные шутки. Поездка не предвещала ничего необычного. Но вскоре нам стало не до смеха.

Дорога давно уже исчезла в расщелинах и нагромождениях скал, в устилавших землю сплошным ковром лавровишневых зарослях. Показалась речка. Кажется, Клыч. Верно. Значит где-то недалеко Южный приют. Здесь еще сравнительно недавно шли ожесточенные бои и фашистов удалось отсюда вышвырнуть. Едем наугад. Хотя Георгий и напускает на себя вид, что в пути ему все знакомо и маршрут взят правильный, мы с Валентином чувствуем, что это далеко не так. Обменявшись мнениями, все же решаем довериться нашему проводнику до конца — все-таки природный горец, да еще какой — известный во всей округе охотник и следопыт.

Так то оно так, но поневоле закрадываются сомнения: а известна ли Георгию Гулбани сиюминутная боевая обстановка, знает ли он доподлинно, где наши, а где противник?

Как бы отвечая на этот вопрос, спереди резко удачи рили выстрелы. В этот момент мы как раз оказались на открытом месте. Нас видят все, кому заблагорассудилось очутиться в этих местах, а мы никого различить не можем, слышим только приближающиеся и усиленные эхом в теснинах близкого ущелья хлопки. Кто стреляет? В кого? Едем медленно, осторожно, впритирку к обрыву над Клычем. И вдруг все сразу становится понятно: обстреливают нас. Редкие выстрелы из винтовок сменяются режущими слух пулеметными очередями. Все это явно нацелено с вершины близстоящей невысокой горы, откуда просматривались, по крайней мере, метров сто уже пройденного нами пути. Именно там видны вспышки от выстрелов.

Укрывшись за недоступным обстрелу выступом ближайшей скалы, мы спешили и стали наблюдать за тем, как вокруг вздрагивают от пуль откосы, кусты, камни. Теперь и назад не пройти. В общем, веселого мало. А где же наш «остряк-самоучка»? Оглядываемся и не видим своего спутника. Лошадь его с нами, а самого Валентина нет. Неужели моего хорошего друга, такого славного человека, зацепила невзначай злая вражеская пуля?..

Стрельба продолжается, и покинуть убежище никак нельзя. Смотрим, из лесной чащи предупреждающе машет руками какой-то боец: подождите, мол, не двигайтесь, опасно... Ну, это мы и сами понимаем. Но как быть с Валентином? Что с ним?

Внезапно, словно захлебнувшись, пулемет на горке замолчал. Мгновеньем раньше там же раздались взрывы гранат, и затем прозвучал негромкий выстрел. Воспользовавшись наступившим затишьем, мы быстро вывели лошадей и пробежали с ними по поляне к недалекой ложине, где видели подававшего сигналы бойца. На все это ушло, наверно, не более полминуты, но почему-то при этой пробежке нас никто не попробовал обстрелять...

Вскоре все разъяснилось. Неожиданно высокая трава у опушки пришла в движение, и из нее показались голова и плечи... Валентина. Трудно представить испытанную тогда нами радость. Нестреляев, как ни в чем не бывало, встал, отряхнулся, подошел к своему коню, потрепал его по гриве, вытер лоб. Фуражки у Вали не оказалось. — Потерял, — виновато вымолвил он. — Ну,

что потеряно, того не вернешь. А вот гитлеровским озорникам от меня досталось по первое число. Да и встреча с ними первая. Здорово получилось!..

И мы услышали короткий, но выразительный рассказ о том, как, мгновенно оценив обстановку, Нестреляев быстренько, по его словам, колобком скатился с седла, отполз в кусты, одновременно ощупав, на месте ли захваченные с собой и привязанные к поясу гранаты, и, укрываясь за деревьями и подлеском, стал карабкаться наверх, заходя к стрелявшим фашистам сзади.

— Их было двое с офицером, — продолжал Валентин. — То ли наблюдатели, то ли патрульные, а, впрочем, сам черт теперь разберет, сатана на своей сковородке, наверно, уже их поджаривает и выясняет, кто они и откуда. Лимонки свое сделали. Офицерик попробовал было сбежать, но я и его достал из пистолета. Семафор открыт! — заключил он, улыбаясь по своему обыкновению.

Мы горячо обняли Валентина, поздравили с успешным боевым крещением.

Стемнело. Рядом неслышно возник тот самый боец, что сигналил нам при заварухе. Он и вывел нас к штабу дислоцированной поблизости части, где мы разгрузили лошадей.

Гитлеровцев, как нам объяснили, сюда скрытно перебросили для диверсий в нашем тылу, но они были засечены контрразведкой и вынуждены себя открыть. Их ликвидацией только собрались заняться, как мы случайно подвернулись им на мушку.

Обратный путь в Генцвиш прошел без всяких происшествий. Там мы переночевали у Георгия Гулбани, а наутро вернулись к себе, в Чхалту.

Таким я знал Валентина Нестреляева. Мы еще несколько раз виделись в горах. Оба были заняты разными делами, ездить вместе больше не пришлось. Уже после битвы на перевалах мне стало известно, что он вскоре приезжал в Сухуми, где разыскивал меня, но из-за моего выезда в район так и не нашел. А еще спустя несколько месяцев до меня дошла горькая весть о гибели Нестреляева при преследовании отступающих гитлеровцев где-то у Ростова-на-Дону...

**XVII. ПРОВОДНИКИ И ПОГОНЩИКИ * ДЕТО
СУБЕЛИАНИ ПОД ВРАЖЕСКИМ ОГНЕМ *
ДРАМА НА СКЛОНАХ ДОМБАЙ-УЛЬГЕНА *
ИСТОРИЯ О ПОТЕРЯННОМ И НАЙДЕННОМ
МЕШКЕ**

Лучшие люди гор становились проводниками подразделений Красной Армии, нередко сопровождавшими наших разведчиков в тыл и на фланги врага, погонщиками караванов с различной амуницией для фронта.

В начале своего повествования я упоминал о создании в Чхалте первой бригады активистов из числа коммунистов, комсомольцев и беспартийных горцев. Такие бригады теперь практически действовали в каждом горном селенье и всякий раз с готовностью и оперативностью отзывались на нужды армии, ее частей и подразделений, прилагали всевозможные усилия для приближения победы над покушавшимся на их родной край ненавистным врагом.

В своих действиях в помощь воинам многие горцы подавали пример высокой сознательности, стойкости и мужества. В высокогорных селеньях широкую известность получил подвиг, совершенный проводником Дето Субелиани, сопровождавшим караван лошадей с воинскими грузами в сторону Марухского перевала.

Преодолев тяжёлый путь под непрерывным, подчас переходившим в колючую снежную крупу дождем, караван уже приближался к своей цели — штабу одной из фронтовых частей, когда противник начал интенсивный пушечный и минометный обстрел наших позиций и их ближнего тыла. Все указывало на то, что враг стремится подавить и уничтожить наши опорные пункты и готовит вылазку. На какое-то время группа лошадей осталась без укрытия и попала в зону внезапного вражеского огня. На поляне стоял неумолчный грохот и вставали столбы дыма от разрывавшихся снарядов и мин. Разрывом осколочного снаряда была тяжело ранена одна из лошадей и, храпя, повалилась на землю. Дето подбежал к ней и, презирая опасность, мгновенно обрезал построшки, вместе с товарищами живо подтащил упавшие ящики с минами к опушке леса. Несколько секунд позже на том же месте взорвалась

вражеская мина. Несчастливая лошадь была разорвана на куски, но ее драгоценный груз был спасен.

В другой раз погонщики, предводительствуемые Дето Субелиани, были обстреляны огнем из автоматов при доставке продовольствия и боеприпасов к позициям временно находившегося на почти изолированном и удаленном участке фронта одного из наших подразделений. Хитроумным маневром смелый проводник не только вывел своих людей и лошадей из-под обстрела, но и удачным выстрелом из винтовки поразил одного из гитлеровских автоматчиков. Получившие снаряжение, наши воины энергичной контратакой отбросили врага и соединились со своей частью.

Иосиф Лугов и Амаиз Гурчиани... Эти два человека, непохожие друг на друга, несходные и внешностью и возрастом, всегда встают в моей памяти рядом. И всякий раз при воспоминании о них я испытываю чувство, близкое к угрызению совести, хотя, как убедится читатель, вины моей в трагической судьбе одного из них нет.

Как-то ко мне обратился офицер дислоцированной близ Чхалты воинской части в звании капитана:

— Товарищ уполномоченный, нашей группой из тридцати автоматчиков получено задание командования срочно разведать дорогу к Домбайскому перевалу. По разведанным, фашисты успели оседлать Домбай и готовятся к нападению. К сожалению, карта обо всем не говорит, пути туда мы не знаем. Просто необходим опытный проводник. Нам сказали, что вы могли бы рекомендовать такого человека...

Хотя мне там не приходилось бывать, я знал, что дорога на этот перевал, местами проходившая по склонам самой высокой горы Абхазии Домбай-Ульгена (ее высота более четырех километров), известна как одна из опаснейших и труднопроходимых на Западном Кавказе. При штабе никого из опытных проводников в то время не оказалось. В раздумье я вышел на веранду и заметил неподалеку совсем еще молодого и потому пока не призванного в армию комсомольца Амаиза Гурчиани, которого видел на строительстве нашего первого аэродрома. Ну, думаю, вряд ли этот подросток сумеет провести к Домбаю отряд автоматчиков. Все же подзываю Амаиза и спрашиваю:

— Знаешь ли ты, дружок, дорогу на Домбай? Бывал ли там когда-нибудь?

Амаиз вначале вроде задумался, но потом вскинул голову и твердо ответил:

— Знаю. Бывал.

— Не согласишься ли проводить туда группу этого офицера? — и указываю в сторону капитана.

Не тратя лишних слов, юноша подошел к офицеру и, сняв свою круглую шапочку, пожал ему руку и сказал:

— Я в вашем распоряжении, товарищ капитан. Когда выходим?

Они между собой договорились. Я распорядился выдать Амаизу винтовку с патронами, наказал ему действовать, как подобает настоящему воину. Он попросил разрешения сбегать домой переодеться и захватить с собой немного провизии. Но только Амаиз успел скрыться за поворотом, как на меня нашло сомнение, справится ли юноша с таким ответственным поручением, стоит ли посылать в горы этого, по существу, еще мальчика, что-нибудь случится с ним неладное или с группой капитана, — я непременно буду чувствовать себя в ответе... И я решил поискать другого, более зрелого кандидата в проводники.

Только подумал об этом, вижу — мимо штаба идет мой старый знакомый Иосиф Лугов, уже немолодой работник местной лесоохраны, уроженец здешних мест. Остановливаю его и задаю вопрос, известна ли ему дорога на Домбай?

— Как же, — отвечает Лугов, — да ведь это моя зона.

— Очень хорошо. Ну, тогда прошу вас быстренько собраться и выступить с той вон частью...

Только успел я вымолвить эти слова, как рядом оказался Амаиз, который не мог их не услышать. Со сдержанным негодованием в голосе, чуть не плача, юноша сказал:

— Дядя Платон, вы мне не доверяете?.. Я буду очень, очень обижен...

Признаюсь, я не ожидал от Амаиза такой реакции, грешным делом, думал, что парень даже обрадуется, узнав, что его решили заменить в столь трудном предстоящем походе. Начал его всячески успокаивать, сказав, что еще все успеется, он получит другое, не менее

важное поручение. Но Амаиз казался безутешным, понурился, отошел в сторону.

Отряд автоматчиков ушел вместе с Луговым. На подступах к Домбайскому перевалу, при форсировании гряды обрывистых скал, отряд попал в засаду, и проводник вместе с двумя находившимися впереди бойцами оказались сраженными насмерть и упали в глубокую пропасть. Группа повернула назад и, лишь получив подкрепление, в дальнейшем сумела разгромить и выбить противника с занятых им позиций, отомстить за павших товарищей.

Ни словом не обмолвившись о печальном известии, Амаиз Гурчиани, всякий раз встречая меня, напоминал об обещании послать его в горы проводником.

Через несколько дней мы подготовили к отправке в сторону Маруха крупную партию грузов. Одним из проводников с караваном пошел Амаиз. Почти у места назначения караван оказался в критическом положении: накануне в горах произошел большой оползень, в нескольких местах дорогу перекрыли крутые рыхлые осыпи. Выход из ситуации нашел молодой проводник. Он облазил вокруг несколько раз и, наконец, разыскал обходную тропинку, а затем вывел отряд на верный путь.

В дальнейшем Амаиз часто ходил в горы с воинскими грузами, за что заслужил благодарность командования.

...Не так давно я проходил по одной из сухумских улиц. Шедший навстречу невысокий человек, уже в годах, издали присмотрелся ко мне, несмело приблизился и, назвав меня по имени и фамилии, приветливо поздоровался и любезно осведомился о моем здоровье.

— Извините, пожалуйста, дорогой, но я вас не могу узнать, кто вы? — смутившись, вежливо спросил я.

— Не узнаете?.. Хотя это не удивительно. Я Амаиз Гурчиани... Сколько лет мы с вами не встречались, и вот теперь увиделись. И, признав вас, я не мог пройти мимо...

Я испытал большую радость, встретив Амаиза и почувствовав сердечную теплоту в его отношении ко мне. Мы отошли в сторонку, о многом переговорили и, разумеется, вспомнили о прошлом.

— Никогда не забуду сорок второй год, — тихо сказал мой собеседник. — Не забыл и тот день, когда вы

сначала хотели послать меня на Домбай проводником с автоматчиками. Жаль Лугова, хороший был человек... И все же я тогда очень на вас был обижен...

Да, Амаиз ничего не забыл. Мне пришлось еще раз напомнить ему, что уж очень он тогда был зелен для такого ответственного поручения. И очень суров и труднодоступен Домбайский перевал. Даже в наши дни не каждый специалист по горному туризму возьмется пройти к нему.

Амаиз пригласил меня к себе в гости, в Чхалту, где учителемствует в школе.

Не все сходило гладко в опасной работе наших проводников и погонщиков. Досадный, едва не закончившийся драматически случай произошел с тремя колхозниками из Гальского района, сопровождавшими груз из мешков с солдатским обмундированием.

Работник штаба, офицер интендантской службы, с возмущением мне рассказал, что при доставке этого груза из Цебельды не досчитались одного мешка. А это немало: несколько комплектов шинелей, ботинок, брюк, гимнастерок, нательного белья... Колхозники клятвенно заверяли, что мешок нечаянно потерян ими в пути.

— Не верю! — с ожесточением горячился интендант. — Ничего они не теряли, а присвоили дефицитнейшие вещи, где-то их припрятали. Как мог пропасть целый мешок?! Ничего, голубчики, ответите перед военным трибуналом!..

— А где сейчас эти крестьяне? — спросил я.

— У нас под замком сидят в подвале.

Я уговорил офицера разрешить мне побеседовать с задержанными. Караульный, с автоматом через плечо, открыл скрипучий засов, и в темноте я едва различил трех человек. Офицер зажег карманный фонарик, в подвале чуть посветлело.

— Кто вы и откуда? — спросил я ближайшего из незадачливых погонщиков.

— Миха Пачулия из Чхортоли..

Да ведь это рядом с моей родной Бедией. Может, я его раньше и знал.

Другой крестьянин, по фамилии Гергедава, был из села Цхиро-Гали. Третьего я не стал спрашивать, а попытался выяснить обстоятельства исчезновения мешка. Оказалось, что мешок этот был привязан к седлу лошади Гергедава, замыкавшей небольшой караван. Как

объяснили задержанные, долгую осеннюю ночь они шли в крошечной тьме, под дождем, и не заметили, как мешок отвязался и где-то пропал.

— Чем вы можете доказать, что действительно потеряли мешок?

Вопрос был наивен: доказательств у них, конечно, не было. К тому времени подъехал вызванный по телефону следователь военной прокуратуры и начал допрос оплошавших крестьян. Из моей беседы с ними было видно, что люди растеряны, подавлены, хотя и чувствовалось, что они даже не представляют себе всю полноту своей ответственности за такую пропажу по законам военного времени. Присутствовать при допросе мне не полагалось. Все могло кончиться трибуналом, а приговоры его, как известно, мягкостью не отличаются...

Еще допрос не закончился, когда у штаба, кряхтя и охая, с тяжелым мешком за плечами появился согбенный годами старичок. Я признал в нем проживавшего на дальней окраине Чхалты Алекси Аргвлиани.

— Вот утром нашел в канаве почти у своего дома. Решился заглянуть. Распорол, а там солдатские вещи. Сразу понял: надо отнести вам. И вот дотащил...

— Ай, молодец, Алекси! — от радости я расцеловал старика. Тут же офицер-интендант тщательно осмотрел мешок, сличил его содержимое с описью и удовлетворенно заявил, что все в порядке. Мы, конечно, без промедления известили о находке следователя. Обрадовался и он, что все вышло по-хорошему.

— Вещи найдены. Теперь, наверно, можно освободить задержанных? — сказал я следователю.

Тот подумал и выразил сомнение в отношении Гергедава: мол, он-то уж повинен в самой настоящей халатности и заслуживает наказания... Все же удалось следователя уломать, и все трое оказались на свободе. Едва не ставшее для них роковым дело было прекращено.

Могу засвидетельствовать: за три месяца моего пребывания в прифронтовой зоне у перевалов я не знал ни одного случая, когда бы наши проводники и погонщики проявили в чем-либо недобросовестность, нечестное отношение к доверенным им грузам. Это попросту было исключено. Этого не могло произойти.

И еще. Читатель мог прийти к выводу, что задания

командования рассматривались получавшими их горцами как дело чести. Редко кто под надуманными предложениями пытался увильнуть в сторону. Люди часто шли на смертельный риск, сознавая себя находящимися в одном строю с воинами, стараясь ни в чем не отставать от них. Поведение лучших представителей местного населения и многочисленных добровольцев, прибывших сюда из разных концов республики, в те памятные месяцы может быть смело приравнено к воинской доблести. Недаром грудь многих из них позднее украсила медаль «За оборону Кавказа», а лучшие из лучших получили и более высокие правительственные награды.

XVIII. ГИТЛЕРОВЦЫ ВЫДЫХАЮТСЯ * ЕДУ С КАРАВАНОМ НА КЛУХОР * РАНЕННЫЙ У ТРОПЫ * ВСТРЕЧА ДВАДЦАТЬ ЛЕТ СПУСТЯ

Дождливый, но временами теплый сентябрь сменился холодным, но более ясным октябрем. По ночам лужи подергивались тонкой ледяной корочкой, а тропинки стал припорошивать настоящий снежок. Солнце проглядывало сквозь клубившиеся над горами черно-лиловые тучи. В ущельях загудели пронизывающие ветры, покалывая иглами щеки и как бы донося дыхание ледников, взявших в кольцо Клухор.

Немцы довольно далеко были вынуждены откатиться от ранее занятых ими позиций. Они словно застыли в своих каменных норах. Вряд ли на них действовала одна лишь непогода: им уже приходилось считаться не просто с отпором, а с возросшими наступательными возможностями советских войск. Вот уже который день сводки свидетельствовали о попытках противника перейти к глухой обороне, хотя он и не оставлял затей по забрасыванию в наши тылы своих разведчиков и диверсантов. Одновременно радио пока что приносило тревожные вести от подступов к Сталинграду, из самого города на Волге. Но по всему чувствовалось: гитлеровцы выдыхаются.

На всем протяжении линии горного фронта враг был остановлен еще к исходу второй декады сентября, а в ряде мест в начале октября отброшен к самым перевалам. Развиваясь по всему фронту, наше наступление,

тем не менее, сдерживалось не столько сопротивлением фашистов, как можно было судить по показаниям пленных, все больше осознающих свою обреченность, сколько преградами, создаваемыми непогодой, — рано ударившими в высокогорье морозами и разгулявшимися метелями. Но, преодолевая трудности, советские воины шаг за шагом продвигались вперед и не давали гитлеровцам ни часу передышки.

В результате отлаженного воздушного и автомобильного сообщения боевая оснащенность наших войск, их обеспеченность теплым обмундированием и продовольствием намного улучшились. Кроме обычной горной артиллерии по гитлеровцам били уже доставленные в горы реактивные установки, выкуривая врага из последних укрытий на перевалах. За массивным в глубину вражеской обороны артиллерийским и минометным огнем следовали автоматчики, штурмовавшие холодные скользкие скалы с помощью веревок, забрасываемых на растущие в расщелинах откосов деревья. Подтягиваясь по ним наверх, они использовали любую площадку для ведения огня и нового броска.

В этот период серьезно усложнились условия доставки фронтовикам амуниции и прочих грузов. Фронт продвигался вперед, и нам надо было за ним поспевать, заново изучать пути снабжения войск, передвигаться по незнакомым местам. По-прежнему ежедневно снаряжались караваны. Но проводников, да и лошадей уже не стало хватать. Горцы, как и все мы, воодушевленные переломом в ходе военных действий, вновь пришли на помощь. Вместе с тем было решено направлять с караванами и некоторых работников нашего штаба, уже неплохо ориентировавшихся в горных маршрутах. В пятый раз пошел на Клухор с караваном в сопровождении двух бойцов и я.

Дорогу до старых позиций я знал. Но наши ушли далеко вперед. Теперь от их передовых линий до самого перевала было рукой подать. Правда, по многим приметам, особенно следам недавних боев, примерный маршрут можно было прикинуть на глазок. По договоренности нас должен был встретить в конце пути либо связист, либо работник санитарной службы. Мы, как будто уже по всем признакам, должны были подойти к цели, но пока никто из этих людей не появлялся. Удивительно...

Проезжаем еще немного вперед и... попадаем под обстрел. Пули летят откуда-то сверху. А впереди вдруг застучали пулеметы. В общем, неразбериха: вроде бы перестрелка. На всякий случай укрываемся кое-как под деревьями и ждем ее конца. Тут, откуда ни возьмись, появляется тот самый связист, хватает за уздцы одну из наших лошадок и ругает нас за неосторожность, за то, что назначенное место, оказывается, осталось позади... Он проводил нас, и уже через полчаса мы сумели разгрузить лошадей.

Возвращаясь обратно по головокружительной тропе над белыми бурунами Кодора, спускаемся вниз. Из кажущейся бездонной глубины ущелья даже не слышно обычного шума реки. И с фронта не доносится ни звука. Нас со всех сторон молчаливо обступили деревья. В схваченном вечерним заморозком лесу, стоит особенная гулкая тишина.

Внезапно чуть ниже тропы послышались необычный шорох и бормотанье: словно шевелится в примятых холодом кустах человек. Остановливаю коня и негромко советуюсь со спутниками:

— Там, внизу, кто-то есть. Давайте выясним, кто такой, что с ним.

Отсюда до новой линии фронта было не так уж далеко. Возможно было всякое. Поэтому для меня не совсем неожиданным явился ответ одного из бойцов:

— Да что вы, товарищ начальник, на черта он нам нужен, может, засланный гитлеровец сидит, замануть нас, а потом и уколошить хочет...

— Нет, нет, надо обязательно посмотреть; — настаиваю я. И вдвоем с одним из спутников мы начали спускаться по довольно крутому склону среди зарослей лавровишни.

Совсем близко отчетливо раздался стон. В вечерних сумерках различаем: лежит вниз головой человек. Осветив его фонариком, переворачиваем на спину и убеждаемся: он в нашей солдатской форме, лет ему, наверно, за сорок, худощавый, по облику грузин — и весь в крови. Я взял его за руку, хотел нащупать пульс, приподнять и вдруг услышал яростный крик:

— Стой, собака, стрелять буду!..

Ясно: человек бредит и вдобавок истекает кровью. С трудом поднесли раненого к тропе, усадили на ло-

шадь впереди одного из бойцов, и так доехали до ажарской сельской больницы.

В госпитале уже улеглись спать. Пришлось разбудить главного врача Доментия Пакелиани, заботам которого поручили раненого солдата, а сами продолжили путь в Чхалту.

Наутро сопровождавшие меня бойцы, уже знавшие дорогу к новым позициям, снова ушли с пятеркой груженых лошадей на Клухор. Вечером, по возвращении, один из них мне докладывает:

— А раненый, что мы вчера в госпиталь привезли, непростой. Сказывали ребята, он трех фашистов убил.

— Откуда вам стало об этом известно?

— Повстречались мы с его дружками. Искáли они его, шли по следам, нашли пилотку его и кровь. А когда я сказал, что так и так, в больнице он, уж очень удивились и обрадовались, чудом назвали...

Да, подвиг, совершенный незнакомым солдатом, действительно походил на чудо. С двумя товарищами он был послан командованием своей части в разведку, так как, по поступившим сведениям, в нашем тылу при наступлении остались одиночные группы противника. Видимо, когда разведчики, условившись снова встретиться, разошлись в разные стороны, солдат наткнулся на фашистов, троих из них уничтожил, а сам был ранен, о чем красноречиво свидетельствовали трупы гитлеровцев и пятна крови на солдатской пилотке, которую мы в темноте не заметили. Разведчики никак не могли понять, куда исчез их товарищ, пока обо всем не дознались от нашего бойца-проводника каравана.

Меня разобрало любопытство: интересно знать, кто этот отважный боец и при каких обстоятельствах произошла схватка...

Размышляя об этом, подъезжаю к госпиталю. Доментий Пакелиани рассказал, что доставленный накануне солдат пришел в сознание, ему перелили кровь, рана неопасная, сейчас чувствует себя неплохо. А самое интригующее то, что он меня, как говорит, давно знает и даже попросил передать, чтобы я его навестил.

— Но ведь он вчера бредил, был без сознания и никак не мог меня узнать...

— Это так. Но мы утром назвали ему вашу фамилию и имя, и он знает, кому обязан своим спасением.

Все еще удивленный, захожу в сельскую больницу,

отлично переоборудованную под госпиталь. На койках много раненых. В самом конце длинной палаты вижу, точнее, угадываю, вчерашнего знакомого. Подхожу, здороваюсь, приветливо тронув его за откинутую в сторону левую руку. А он не сводит с меня глаз и ни слова не говорит.

— Мне передали, вы меня хотели видеть?..

В ответ он спросил:

— Вы Чкадуа, Платон? Правда?..

— Да, я тот самый гражданин, — отвечаю смеясь.

— Это вы меня выручили?

— Я был не один, с товарищами. Это был наш долг...

Он протянул руку и привлек меня к себе. — Садись, — говорит. — Хочу через двадцать лет рассмотреть тебя хорошенько... А меня ты не помнишь?..

Вижу: хотя рана его беспокоит, человек чему-то безмерно рад, даже дрожит от возбуждения. Я внимательно посмотрел ему в лицо, но так и не разглядел знакомых черт.

— Смотрю на вас, но, извините, никак не могу припомнить...

— Да, — он грустно опустил глаза. — Тогда ты был совсем молод... А теперь вырос, стал большим человеком, дай бог тебе здоровья... Меня зовут Макар, а фамилия — Дгебуадзе. Ничего тебе это не говорит? Вспомни нашу первую встречу. Это, конечно, было очень давно. Но я тебя сразу узнал — ведь мне называли тебя. Помнишь, как мы ехали из Ачигвары в Сухуми, а по дороге нашли... Вспомнил?.. Ну, вот и хорошо...

Макар стал гладить мою руку, а по щекам его покатались слезы. Да и у меня глаза тоже стали мокрыми.

— Вы вернули меня к жизни, — он снова перешел со мной на «вы». — А то я там бы непременно погиб...

И я услышал из его уст рассказ о том, как все произошло вчера днем в горном лесу.

Не стану напоминать об уже известных читателю вещах. Начну с момента, когда разведчик остался один. Осмотревшись, он заметил невдалеке, в густом подлеске, проглядывавший сквозь осеннюю желтую листву ствол винтовки и почти в ту же секунду услышал выстрел. Пуля просвистела совсем рядом, и он мигом упал на землю, притворившись мертвым. Но, падая, успел

так подложить под себя автомат, чтобы палец оставался на спусковом крючке.

— Чувствую, теперь все будет зависеть от того, кого перехитрит, — продолжал рассказывать раненый. — Долго я так недвижно лежал, пока гитлеровцы не осмелели, вылезли из кустов и направились ко мне, думали, наверно, хоть сухарь при мне найдется... А я как дам по ним очередь. Двое упали сразу, а третий, хотя и получил тоже хороший заряд, все же успел стрельнуть в мою сторону и ранил в плечо. Мне стало плохо, совсем плохо, и я потерял сознание. Вот как было дело... Но ничего! Врачи здесь хорошие, помереть не дадут, помогут встать на ноги... Я еще повоюю с фашистами. Будь уверен! Не первый раз встречаемся...

И я узнал, что Макар, оказывается, был участником и первой мировой войны. В 1916 году он получил штыковую рану. А спустя двадцать шесть лет судьба снова свела его с врагами, и — где? — на родном Кавказе.

— Ты — настоящий воин, дорогой Макар, — сказал я. — Так рад снова видеть тебя, вспомнить нашу первую встречу. Будь здоров и счастлив, дорогой! — Я наклонился к раненому, и мы крепко расцеловались. Спустя немного времени мне стало известно, что рана его быстро зажила, он окреп и снова ушел на фронт.

Я припомнил во всех возможных подробностях нашу первую встречу с Макаром Дгебуадзе, и, думаю, читателю будет небезынтересно кое-что о ней узнать.

ХІХ. РЕТРОСПЕКТИВА: ПУТЕШЕСТВИЕ НА ПАРОКОННОЙ ЛИНЕЙКЕ * ДЯДЯ И ПЛЕМЯННИК * НАХОДКА * МАКАР ДГЕБУАДЗЕ ПРОЯВЛЯЕТ ХАРАКТЕР

...Жаркий август 1922 года. Видите, дорогой читатель, как далеко нам пришлось вернуться назад. Советской власти в Абхазии шел всего-навсего второй год. Мне восемнадцать. За плечами семь классов сельской школы. Куда идти дальше? Семья наша была обыкновенная, крестьянская, трудовая, средствами для продолжения моего образования, — а у нас, в Бедии, тогда считали по-старому, что для ученья непременно нужны большие деньги, — само собой, не располагала.

Но новое пробивало себе дорогу. Вот и до отдаленной Бедии, раскинувшейся в предгорьях Ходжальского хребта, дошла весть о том, что в Сухуми (тогда, впрочем, город назывался Сухумом, а сами абхазцы его с незапамятных времен именуют Акуа) открыт педагогический техникум, да еще с общежитием и столовой, и принимают туда, изумлялись старики, представьте себе, бесплатно.

Возникло и разгорелось у меня желание во что бы то ни стало поступить в этот техникум. Родным не очень хотелось расставаться со мной, отпустить в незнакомый далекий мир. «Мало ли всяческих соблазнов, случайностей, неожиданностей тебя ждет, мальчик», — говорила, заливаясь слезами, мать. Отец ничем не выдавал своих переживаний, но и он, как мне казалось, вечно занятой, суровый, молчаливый человек, стал со мной необычно ласков. Перед глазами у меня всегда стоял образ нашего первого поэта Дмитрия Гулиа. Мне хотелось во всем подражать ему. И в конце концов удалось переубедить своих домашних, начавших снаряжать меня в неведомую дальнюю дорогу.

Однажды, ранним солнечным утром, с волнением попрощавшись с ними, покинул я родное село и пешком, с фанерным полусундучком-получемоданчиком в руке, пошел по направлению к Ачигваре, что примерно в пятнадцати километрах от Бедии, у самого сухумского шоссе. Тогда, конечно, никакого гудрона или асфальта не было и в помине. По узкой и пыльной, изрытой колдобинами дороге время от времени брели крестьяне, проносились всадники, неторопливо тащились влекомые буйволами скрипучие арбы и лишь изредка проезжали запряженные лошадьми подводы и фаэтоны. Фаэтонщики брали за проезд втридорога, а такими деньгами я, разумеется, не обладал, так что и думать о них было нечего.

Смотрю, вдалеке, вздымая облака пыли, со стороны Гали показалась пароконная линейка. По обеим сторонам ее сидели двое довольно молодых, но намного старше меня, людей. Они придержали линейку у сельского духана и зашли туда. Дождавшись их выхода, обращаюсь к старшему из них по виду с просьбой, если они едут в Сухум, захватить меня с собой.

— А что тебе там надобно? — спрашивает он.

— Хочу поступить учиться.

— Это хорошо. Дай бог тебе здоровья.

Его прервал другой, помоложе, с тонкими усиками:

— А деньги у тебя есть?

— Найдутся, если дорого не возьмете...

— Ну, ладно, — сказал старший. — Садись. Все равно нам ехать.

Не теряя времени и очень довольный тем, что все так счастливо уладилось, вскакиваю на линейку, поставив рядом свой скромный полусундучок.

Пароконная тронулась. Нас сразу обволокло едкой, хрустящей на зубах пылью. Держаться за бортик линейки надо было цепко, двумя руками, иначе после очередного ухаба можно было запросто очутиться на земле...

Я обратил внимание, что лошади тянули линейку по-разному: та, что золотистой масти, старалась всюю, шла шустро, иноходью, а другая, темно-гнедого цвета, по кличке Чола, упитанная и степенная, казалась сродни буйволу и тянула еле-еле.

В завязавшемся разговоре узнаю, что старшего из моих спутников зовут Макаром, а младшего Митушей. Едут они откуда-то из Одиши, Мегрелии, в поисках кукурузы: урожай в их местности выдался плохой, зерна у людей не хватает, меньшевики в прошлом году не оставили даже на семена, крестьяне начали голодать и их отрядили за зерном или мукой, как удастся, в Абхазию, до самого Сухума. Там, говорят, с урожаем лучше. Я назвал себя, сказал, что и у нас, в Бедии, дела с кукурузой в этом году тоже обстоят не блестяще, но односельчане не теряют надежды, стала помогать кооперация, да и, вообще, все теперь, наверно, пойдет по-другому.

Макар утвердительно мотнул головой. А Митуша как-то странно посмотрел на меня, словно говоря: «Как же, жди...». Но я не обратил тогда на этот его взгляд особого внимания.

Мы уже миновали широко разбросанную, с тесно поставленными небольшими, потемневшими от времени домиками, Очамчиру и под вечер сделали первый привал на берегу Моквы. Привязали к дереву лошадей, подкормили их привезенной с собой травой. Хозяева линейки разостлали на полянке бурку, пригласили меня присесть рядом на одном из пустых мешков, захваченных ими в поездку, вытащили из хурджина свои при-

пасы — чурек, сыр, помидоры с зеленью и бутылку чаи. Я прибавил к ним свой сыр и чурек — больше с собой у меня ничего не было, и мы принялись за ужин. Затем собрались ложиться спать. Макар с Митушей занялись разговорами о будто бы распространенном в этой местности конокрадстве, встали, чтобы еще раз увериться, крепко ли привязаны лошади, и долго не смыкали глаз, тревожно всматриваясь в темноту. Я же неотрывно смотрел на яркие звезды, проследил полет одной из них, словно упавшей в море, думал о технике и, наконец, заснул крепким молодым сном.

Ночь прошла спокойно. Еще утром, заставив нас то и дело подсакивать, разбитая вконец дорога вывела линейку к селу Тамыш. Солнце жарило нестерпимо. В душный полдень, доехав до небольшой речушки, мы расположились под тенистым деревом.

Слышу, Макар говорит Митуше:

— Здесь близко живет один знакомый крестьянин. Пройду к нему, может, подешевле удастся купить кукурузу или он посоветует обратиться к кому-нибудь из соседей. Тогда нам незачем будет ехать так далеко, в Сухум, где еще неизвестно, что выйдет...

Макар вскоре исчез из виду. Мы остались вдвоем с Митушей. Ждем. Митуша успел уже искупаться в речке, а его товарища все нет. Парень стал нервничать.

— Как пить дать, где-то пьянствует, — зло вскричал он. — Макар — мой родной дядя по матери. Вообще-то он человек невинный, но несговорчив, упрям, как буйвол. Поговорить любит...

Прождали мы Макара почти половину дня. Митуша прямо-таки с ума сходил и чего только не наговорил на своего дядюшку. В чем-то его можно было понять. Но в озлобленных выкриках и замечаниях Митуши мне почудилась плохо скрываемая вражда. Наконец, из-за дерева показался Макар, заметно выпивший. Идет, чуть шатаясь, и, подойдя к нам, вынимает из кармана настоящий револьвер и кричит:

— Руки вверх, стрелять буду!.. Встать, когда с вами говорит бывший солдат царской армии и красногвардеец!..

— Смотри, не дури, рядом, наверно, милиция, отберут у тебя наган и еще посадят в кутузку, — забеспокоился Митуша.

Я впервые в жизни оказался перед направленным на себя револьвером. «Ну, по-мальчишески думаю, все, человек выпил, что ему стоит тебя застрелить, хотя, кажется, я ему ничего не сделал дурного...».

Но наши страхи были совершенно не оправданы. Поведение Макара оказалось напускным: он просто над нами подшутил. Не спеша положил револьвер в карман. — Советская власть подарила, — сказал при этом Макар, — не для того, чтобы я из него в вас стрелял... — Затем вместе с осмелевшим Митушей запряг отвязанных коней, и мы снова тронулись в путь. По дороге он рассказал, что хлопоты насчет кукурузы в Тамыше оказались тщетными, но знакомый крестьянин принял его хорошо, заставил выпить и закусить.

— Настоящая, скажу, была «изабелла», — похвалялся Макар. — Мы с хозяином договорились: кто кого перепьет. И, как вы думаете, я его под стол уложил, не мог человек выйти даже проводить меня...

Ай-да Макар! Почему-то не представлял я за ним таких доблестей. Впрочем, что особенного случилось, человек выпил, с кем не бывает, головы не потерял... У себя, в Бедии, мне не раз приходилось наблюдать поведение людей после разных компаний...

— Ты там пьянствовал, а мы голодали, — съязвил Митуша. Но я-то видел, как он раньше полез в свой хурджин, опасливо оглянувшись, отхватил большой кусок чурека с сыром и, отойдя за дерево, быстро с ним справился.

— Подумаешь, голодающий! — услышал я ответ Макара. — Во-первых, наш хурджиц еще полон. Во-вторых, все же я — твой дядя, хотя и немного старше тебя, но надо иметь ко мне почтение. А, в-третьих, я, хотя и малограмотный и не большевик, но сочувствующий, вместе с Советской властью стою за правду. Понял?..

Вино, несомненно, еще довлекло над логикой его рассуждений. Но в главном они показались мне верными. А вот с услышанными затем возражениями Митуши, утверждавшего, что новая власть, кроме обещаний, крестьянам пока ничего не дала, внутренне никак не мог согласиться.

Между родственниками разгорелся жаркий спор. — Ишь какой, сразу богатеem захотел стать, — отрезал в ответ на доводы Митуши Макар. — Так, милый, не пой-

дет. Сначала побороться надо, потрудиться, ох, как потрудиться...

Он трезвел на глазах. И я услышал, как, разубеждая племянника, Макар вслух предался воспоминаниям о дореволюционном житье-бытье.

— Ты что думаешь? — спрашивал он. — Голод и нищету нам Советская власть принесла? Они от царизма и его треклятой войны, от злодеев-меньшевиков нам достались. Разве не помнишь, сколько пота и крови стоил нам постой меньшевистских гвардейцев? Все они забирали у крестьян, да еще издевались над ними. Ты у сестры своей спроси, как, прости господи, ей прилюдно задирали юбку, и девушке едва удалось укрыться в чужом доме. Эх, Митуша, Митуша... Память у тебя, скан чири ма, уж больно короткая...

Митуша счел за лучшее больше не упорствовать в своем непонятном мне неприятии новой жизни. Оба помолчали. Вскоре Макар, хотя линейка и продолжала двигаться, прилег и, не обращая внимания на поминутные толчки, сладко задремал.

Вечером мы устроили привал на самом берегу Кодора. Перекусив и осмотревшись, решили пополнить запас корма для лошадей. Собственно, решил это Макар, а нам всем просто предстояло взяться за дело.

Рядом, за изгородью, на чьем-то участке стояла стеной высокая кукуруза, а под ней мы заметили зеленую подстилку из сочной травы — сказывалось близкое соседство полноводной реки. Перескочив через нехитрую ограду, мы собрали ее полных два мешка. Тут же задали сытный корм лошадям. Потом подумали, что не мешало бы воспользоваться представившейся возможностью для того, чтобы еще пополнить запас травы для лошадей, и я с Макаром вновь отправились туда же на промысел. Но на этот раз вначале с нами вышел конфуз. Только мы взялись за резку травы, как вблизи раздался собачий лай, и на нас набросились два здоровенных пса. Услышав лай и думая, что в кукурузу забралась буйволы, прибежал хозяин участка с цалдой на плече, еще издали осыпавший воображаемых незванных гостей всевозможными проклятиями.

— Чтоб вас волки загрызли! — кричал он по-абхазски, проклиная мнимых буйволов.

Мы сперва не подавали голоса. Убежать от лаявших собак было непросто, к тому же пришлось бы опять

лезть через забор. Макар решился на переговоры с хозяином.

— Мы не буйволы, уважаемый, — ответил он по-мегрельски. — Ради бога, не ругайтесь, ничего плохого вам не сделали и не собираемся делать. Только режем траву для своих лошадей.

Отогнав замолчавших с его приходом собак, хозяин осторожно приблизился к нам.

— Кто такие? — спросил он тоже по-мегрельски. Я попытался ему все объяснить на родном, абхазском языке. Тогда крестьянин и вовсе перестал кипятиться и даже стал помогать нам собирать траву. Уже потом я сообразил, что делал он это не без выгоды — все равно пришлось бы полоть кукурузу, уже очень она заросла...

А потом он стал просить нас с Макаром зайти в гости. Но нам было неудобно принять его приглашение. И мы вежливо, но решительно отказались под предлогом, что пора продолжать путь, нас ждут, и вполне достойно распрощались с любезным хозяином.

— Какой человек, а? Настоящий абхазец! — воскликнул Макар, когда мы оставили изгородь позади, и потом пересказал свои впечатления Митуше.

На третий день пути проезжаем Гульрипш. Лошади еле бредут, отгоняя хвостами мух. Я сижу на линейке сзади, от нечего делать неотрывно гляжу вниз, наблюдая, как из-под колес летят во все стороны камешки и бежит назад дорога, теряясь в пыльной мгле. И вдруг замечаю на ней какой-то бумажный сверток. Тотчас прыгнул и за него. Вскрываю, а там большая пачка денег!

Со свертком в руках бегом догоняю линейку. Митуша заметил мой маневр, подбежал, выхватил из моих рук пачку, сунул ее за пазуху и, выкатив глаза, выразительно и тихо, чтобы не услышал Макар, прошипел:

— Я ее тоже заметил. Давай скорей сядем и припустим лошадей, а то хозяин хватится пропажи и станет нас догонять...

Я ему, конечно, не поверил, что он будто бы заметил на дороге деньги. Он просто увидел, когда я их уже подобрал и развертывал сверток. Препираясь по этому поводу, мы уселись на линейку. Макар, вроде бы ничего не слышавший и не замечавший, вдруг спрашивает:

— Чего вы там не поделили? Отчего шум?

— Я деньги на дороге нашел, а Митуша их у меня отнял...

— Неправда! Мы вместе нашли, а не ты один!..

— Если на то пошло, — невозмутимо заявил Макар, — есть такой закон: кто первым поднял, тому и принадлежат деньги. Надеюсь, всем понятно?

— Понятно. Так оно и было: я поднял, но он отобрал...

— Ты, Митуша, верни мальцу деньги. А он, если захочет, что-нибудь даст тебе по доброй воле. Это его дело.

Тот опустил голову и молчит, но не спешит с возвратом денег. В это время доехали мы до сухумского базара. Остановили лошадей у ближайшей закуской, и дядя с племянником зашли туда, а я остался ждать их на улице. Не знаю, какой уж у них состоялся там разговор, но только Макар почти сразу вышел обратно и велел мне идти за ним. Вместе поели, а уже при выходе Митуша мне тихо говорит, опять стараясь, чтобы дядя его не услышал:

— Ну, вот теперь мы в полном расчете. Тебя довезли, накормили — и все без платы. Так что о каких-то деньгах тебе беспокоиться нечего...

Но Макар на сей раз не пропустил мимо ушей эти его слова.

— Эх, ты!.. — всердцах вскричал он. — Ничто на тебя не действует... Казалось уже: все понял, ан нет. Где твое человеческое чувство? А ну-ка, давай сюда деньги! Я сам посмотрю, сколько там, и решу, как ими распорядиться. — И без всяких церемоний запустил руку Митуше за пазуху и вынул пачку. — Ого, ну и находка! — Не считая, отделил от пачки большую часть и отдал мне. — Вот так будет по справедливости, Митуша, и запомни это на всю жизнь!.. — Затем обратился ко мне:

— А как тебя звать, парень? — Я ответил. — Платон — хорошее имя, — глубокомысленно произнес он. — Был давно такой умный человек, даже я знаю... А теперь простимся. Ты, малец, ступай по своим делам, а мы займемся своими. Дай тебе бог здоровья и удачи, парень!..

Так я расстался тогда с Макаром на целых двадцать лет.

Я выдержал экзамены в техникум и был принят в интернат на казенный счет. А на найденные деньги купил себе одежду. Это тогда много значило. Не забывайте, шел только второй год Советской власти. С разрухой далеко не было покончено.

Долго с благодарностью вспоминал я о Макаре, о его здравом уме, справедливом взгляде на все, что случается в жизни. Но со временем память о нашем путешествии на пароконной линейке уступила место другим впечатлениям.

И вот вторая встреча под Клухором, в совсем иной обстановке...

Да, хороший, правильный человек Макар!.. При воспоминании о нем, прошедшем огонь и воду, первую и вторую мировые войны, о его честном, отзывчивом и мужественном сердце, всегда испытываю чувство гордости за то, что, пусть мимолетно, встречался с этим человеком, в какой-то мере был близок к нему, причастен к его судьбе...

Третьей встречи с Макаром Дгебуадзе у нас не было.

XX. ВРАГ СБРОШЕН С ПЕРЕВАЛОВ* ДО СВИДАНЬЯ, ГОРЫ!* ОБЕЛИСКИ И ПАЛЬМЫ

В разгар абхазской осени, еще теплой и ласковой на субтропическом побережье Черного моря и суровой, подчас морозной и выюжной, в наших горах, особенно там, где залегают вечные льды, гитлеровцы были окончательно выбиты с перевалов, сброшены на северо-восточные склоны Главного Кавказского хребта и продолжали в панике отступать. Так и не ступил фашистский сапог на тропу через Наурский перевал, оставшийся несокрушимым бастионом до самого конца военных действий. В начале октября наши части прочно закрепились на Клухоре, Марухе и других горных проходах. А 14 октября штурмом был взят последний из перевалов, ранее захваченных врагом, — Санчарский.

Таким образом, уже к середине октября война в горах завершилась полной победой советских войск, не пропустивших гитлеровцев в Закавказье, в труднейших условиях высокогорья показавших образцы стойкости, отваги и героизма.

В победоносном исходе битвы в горах Кавказа с огромной силой проявились возросшая зрелость и боевой дух наших воинов, искусство командования 46-й армии во главе с командармом Константином Николаевичем Леселидзе, который за отличное руководство войсками был награжден орденом Ленина с одновременным присвоением ему звания генерал-лейтенанта. И на последнем этапе боев за перевалы генерал Леселидзе продолжал часто бывать в дивизиях и частях армии. Его не раз видели солдаты и офицеры переднего края в накиннутой на плечи бурке и смушковой шапке, видели всюду, где решалась судьба обороны Кавказа.

Вскоре после завершения военных действий на перевалах К. Н. Леселидзе возглавил прославленную 18-ю армию, ставшую главной ударной силой советских войск в освобождении западной части Северного Кавказа. Восемнадцатая армия прошла почти двухтысячекилометровый героический и славный путь борьбы и побед, неустанно громя врага, освобождая советскую землю, неся свободу народам Европы.

Находясь во главе крупного воинского соединения, изгнавшего гитлеровцев с юго-запада нашей страны, в разгар наступления Советской Армии, генерал-полковник К. Н. Леселидзе в феврале 1944 года, на сорок первом году жизни, безвременно скончался от осложнения после перенесенного на фронте гриппа. Его выдающиеся заслуги перед Родиной навсегда сохранились в благодарной памяти советских людей. Эта немеркнущая память особенно драгоценна для тех, кто непосредственно общался с этим прекрасным человеком, испытал его обаяние.

В своей речи на торжественном заседании в Тбилиси, посвященном полувековому юбилею Советской Грузии, 14 мая 1971 года, Леонид Ильич Брежнев говорил:

«Мне довелось воевать вместе с одним из талантливых советских полководцев — командующим 18-й армией генерал-полковником К. Н. Леселидзе. На фронте люди раскрываются быстро, там сразу узнаешь, кто чего стоит. Константин Леселидзе запомнился мне как олицетворение лучших национальных черт грузинского народа. Это был жизнелюб и храбрец, суровый к вра-

гам и щедрый к друзьям, человек чести, человек слова, человек острого ума и горячего сердца».

С огромным удовлетворением восприняли труженики Грузии, весь советский народ и его Вооруженные Силы весть о том, что за умелое руководство войсками и проявленные при этом мужество и героизм генерал-полковнику К. Н. Леселидзе присвоено звание Героя Советского Союза.

Выступая 16 декабря 1981 года при открытии на родине К. Н. Леселидзе — в городе Махарадзе Республиканского музея боевой славы 18-й армии, кандидат в члены Политбюро ЦК КПСС, первый секретарь ЦК Компартии Грузии Эдуард Амвросиевич Шеварднадзе посвятил свою проникновенную речь бессмертию подвига героев Великой Отечественной войны. «Символом нерушимой дружбы народов, величия духа советского человека, — сказал он, — стала битва в горах седого Кавкасиони. Кавказ защищали славные сыны почти всех народов нашей великой страны».

Неоценимую помощь в достижении победы над врагом в горах Кавказа оказали советским войскам труженики тыла, люди нашей республики, в том числе население горной Абхазии.

...18 ноября 1942 года, после трех месяцев непрерывного пребывания в этом поразительно красивом, величественном и гордом крае, который безуспешно пытались осквернить своим вторжением гитлеровцы, вышвырнутые и сброшенные с перевалов советскими войсками, я возвращался в Сухуми. Навсегда остались со мной воспоминания о трогательном расставании с людьми, которые за эти насыщенные событиями немногие месяцы стали для меня в полном смысле слова родными и близкими, побратимами на всю жизнь.

Снег лежал на неузнаваемо расширенном и благоустроенном за этот короткий период шоссе. На вершинах Западного Кавказа сплошным покровом лежали сверкающие на солнце ледяные венцы. И сознание того, что никакая темная сила теперь уже не сможет омрачить их красоту и чистоту, вызывало гордость и радость.

За послевоенные годы священные места ожесточенных боев в горах посетили и продолжают посещать многие тысячи советских людей и наших зарубежных гостей, отдающих дань своего восхищения подвигами

участников битвы за Кавказ, уважения к памяти наших героев. На многих перевалах через Главный Кавказский хребет установлены памятные обелиски, а на Марухском горном проходе открыт памятник-музей.

В дни завершения боевых действий в горах мне довелось встретиться с командиром третьего батальона 808-го стрелкового полка 394-й дивизии, оборонявшего вначале Санчарский, а затем Марухский перевалы, Василием Ражденовичем Рухадзе. Его батальон особо отличился в боях с фашистскими захватчиками. В парке, напротив моих окон, растет пальма, у ствола которой укреплена надпись: «Пальма от ветеранов 3-го батальона 808-го стрелкового полка». Затем следуют подписи: «Рухадзе В. Р., Свинтрадзе К. И., Схиртладзе Н. И., Ломидзе Р. Д., Вартамян Л. Н.».

И еще одна, последняя строка: «Посажена в августе 1963 года».

Быстро летит время! Это они, ветераны прозванного железным батальона, собрались здесь, в парке у площади имени Ленина, спустя двадцать один год после потрясших горы сражений на перевалах и в ознаменование своей встречи высадили это экзотическое, но для Абхазии ставшее вполне родным дерево. У каждого при взгляде на надпись у пальмы возникает особое чувство, связывающее его с грозными событиями сорок второго года, с немеркнущими в веках подвигами защитников Кавказа.

А по соседству еще одна пальма с табличкой. Надпись удостоверяет, что пальму посадил мэр города-побратима Сухуми с заокеанского острова Гваделупа. Есть что-то символичное в этом соседстве, олицетворяющем извечное стремление народов к миру, превращение высокой доблести, проявленной советскими воинами в битве с фашизмом, в общечеловеческое достояние.

О Г Л А В Л Е Н И Е

- I. Правительственное сообщение. В час дня 22 июня в об-
коме партии. Переобраиваемся на военный лад . . . 4
- II. Как я «добывал» уголь. В гостях у Кескинджа Аршба.
Ткварчельские колхозники крепят Фонд обороны . . . 7
- III. Доблесть идущих впереди. За двоих и троих. Оружие
для фронта 10
- IV. Тени над городом. Обстановка обостряется. Поручение
обкома партии 13
- V. Дорога в горы. У Багадской скалы. Первые впечатления
и действия 16
- VI. Трудные дни на перевалах. Назначение К. Н. Леселидзе.
Отпор захватчикам нарастает. Патриотизм горцев . . . 19
- VII. Встреча с командармом. Колхозники строят прифронт-
вой аэродром. Инженерные способности Баталбея Цулу-
кидзе 24
- VIII. Новые задания командарма. Полет за медикаментами.
С воздуха находим поляну для второго аэродрома . . . 29
- IX. Урок паникеру. Знакомство с батальоном майора Шари-
кова. Всегда ли я поступал правильно? 33
- X. Жизненный уклад горцев и война. Непримириность к
произволу. Раненый майор. Шамиль возвращается к сво-
ему хозяину 39
- XI. Ретроспектива: схватка с Чхалтой. Девушка спасена. Как
я стал родичем сванов 49
- XII. К. Н. Шерозия. Налеты воздушных пиратов. Горе Рото-
ми Цинделиани 55
- XIII. Васо Гурчиани уходит в лес. Командарм и первый сек-
ретарь обкома партии решают судьбу молодого горца . . 59
- XIV. Гитлеровцев вынуждают к обороне. Поездка в Птыш.
Вечер у Давида Ивечиани. Деятели культуры — гости
фронтовиков 63
- XV. Ярость и бессилие врага. Первые пленные. Ахмед Дарми-
лов захватывает «языка». Действуют истребительные ба-
тальоны 68

XVI.	Таланты молодого чекиста с парадоксальной фамилией Неожиданный обстрел. Подвиг Валентина Нестреляева	74
XVII.	Проводники и погонщики. Дето Субелиани под враже- ским огнем. Драма на склонах Домбай-Ульгена. Исто- рия о потерянном и найденном мешке	78
XVIII.	Гитлеровцы выдыхаются. Еду с караваном на Клухор. Раненый у тропы. Встреча двадцать лет спустя	84
XIX.	Ретроспектива: путешествие на пароконной линейке. Дя- дя и племянник. Находка. Макар Дгебуадзе проявляет характер	89
XX.	Враг сброшен с перевалов. До свиданья, горы! Обелис- ки и пальмы	97

Платон Семион-иѣа Чкадуа
ИШЪХАТӘЫЛОУ АҢСНЫ, ҚЫНҚАЖӘИ-
ҚБАТӘИ АШЫҚУС
Урысшәала

პლატონ სემიონის ძე ჭკადუა
მთიანი აფხაზეთი, ორმოცდაროი წელი
რუსულ ენაზე

Платон Семенович Чкадуа
ГОРНАЯ АБХАЗИЯ, ГОД СОРОК ВТОРОЙ

ИБ 683

Редакторы Л. Е. Аргун, А. А. Авидзба
Художник Л. И. Евменов
Художественный редактор П. Г. Цквитария
Технический редактор Л. И. Евменов
Корректор Ж. И. Гублиа
Выпускающий Т. С. Ашхараа

ЭИ0266. Сдано в набор 9.3.1983 г. Подписано к печати 1.7.1983 г.
Типогр. бум. № 3. Формат 84x108¹/₃₂. Усл.-печ.л. 5,46.
Уч.-изд. л. 5,53. Заказ 1229. Тираж 1500 экз. Цена 35 к.

Издательство „Алашара“, Сухуми, ул. Ленина, 9.

Сухумская типография им. Ленина Госкомитета Грузинской ССР
по делам издательств, полиграфии и книжной торговли.
Сухуми, ул. Ленина, 6.

35 K.

1 104/727

T5.004
3